

ПРИБУЖДЁННОЕ ОРУЖИЕ

ГОЛОД

ТОМ 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

V11zivul

Пробуждённое Оружие

«Автор»

2026

V1lzivul

Пробуждённое Оружие / V1lzivul — «Автор», 2026

Кайн думал, что нашёл у деда старый нож - странный, матовый, не отражающий свет. Старик побледнел, когда увидел его, но всё равно отдал, будто хотел избавиться не от вещи, а от кошмара. После первой крови на руке Кайна проступает метка, в голове звучит чужой голос, а за ним начинают охотиться люди, которые знают об этом оружии больше, чем он сам. Нож не просто проснулся - он начал менять владельца. Каждый раз, когда сила помогает Кайну выжить, она забирает у него что-то человеческое. Теперь ему нужно понять, что страшнее: оружие, которое хочет убивать, или человек, который всё меньше этому сопротивляется.

Содержание

Глава 1 - Нож, который не отражал свет	5
Глава 2 - Обычный день уже закончился	11
Глава 3 - Антиквар	18
Глава 4 - Первое убийство	25
Глава 5 - Это был не я	30
Глава 6 - Метка	37
Глава 7 - Дед знал больше	43
Глава 8 - Цепь на руке	54
Глава 9 - Парень в белом	60
Глава 10 - Не человек	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

V1lzivul

Пробуждённое Оружие

Глава 1 - Нож, который не отражал свет

Дед побледнел только один раз за весь вечер. Не когда Кайн задел плечом старую этажерку и едва не снёс на пол три фарфоровые чашки. Не когда на чердаке что-то грохнуло так, словно дом решил наконец сложиться пополам. И даже не когда Кайн, спускаясь по лестнице, выругался так громко, что из соседней комнаты донеслось старческое:

- Я всё слышу.

Дед побледнел позже - когда Кайн положил на стол нож.

За двадцать минут до этого всё ещё было почти нормально. Почти - потому что в доме деда нормальным не было ничего, кроме старого чайника, который свистел так злобно, что казался живым, и самого деда, который отказывался признавать, что в восемьдесят с лишним лет уже не стоит лазить по стремянкам.

- Ты уверен, что ключи вообще существуют? - спросил Кайн, сидя на корточках перед нижним ящиком старого комода.

Из соседней комнаты донеслось:

- Уверен.

- Ты так же был уверен, что пульт от телевизора украли соседи.

- Потому что нормальный человек не кладёт пульт в холодильник.

- Ты положил.

- Один раз.

- Два.

- Второй раз был эксперимент.

Кайн усмехнулся и вытащил из ящика пачку пожелтевших квитанций. На верхней стояла дата, которая выглядела почти оскорбительно древней.

- Дед, если я найду здесь динозавра, ты скажешь, что он просто прилёт отдохнуть?

- Если найдёшь - не трогай. Может, ценный.

Вот таким Кайн и запомнил этот вечер сначала: пыль, старый дом, чай, дедовские попытки делать вид, что всё под контролем, и собственные шутки, которыми он отбивался от скуки. Он приехал после учёбы, хотя мог не ехать: сказать, что занят, или отправить Макс сообщение: «Спасай, меня держит в заложниках архив пенсионера». Он даже написал его.

Макс ответил почти сразу:

Макс: если найдёшь меч, не вытаскивай.

Кайн: почему?

Макс: потому что ты главный кандидат на роль идиота из ужастика.

Кайн: поздно. я уже в старом доме, на улице дождь, дед говорит «посмотри на чердаке».

Макс: всё, ты умер. отпишись призраком.

Кайн спрятал телефон в карман и поднялся.

- Он сказал, что я уже умер, - громко сообщил он.

- Кто?

- Макс.

- Умный парень.

- Спасибо за поддержку.

- Поддержка будет, если найдёшь ключи.

Ключи от старого гаража деда пропали неделю назад. Там, по словам старика, лежали какие-то инструменты, коробки с документами и «ещё кое-что нужное». Что именно - дед не уточнил. Он вообще любил фразу «кое-что нужное». Обычно за ней скрывались вещи, которые не были нужны никому лет сорок.

Кайн прошёл по коридору. Дом был старый, но не мёртвый. Он скрипел, дышал, пах деревом, пылью и чем-то сладковатым - может, вареньем, которое дед ставил в шкафы «на всякий случай».

Каждая половица здесь имела собственное мнение о человеческом весе. Лестница на чердак встретила его привычным скрипом.

- Если я провалюсь, - крикнул Кайн вниз, - завещаю свою стипендию на ремонт этой лестницы!

- На твою стипендию можно купить два гвоздя.

- Три, если по скидке.

Дед фыркнул где-то внизу. Кайн поднялся выше.

Чердак пах иначе: не домом, а застоявшимся временем. Он толкнул дверь плечом. Петли жалобно протянули долгий звук, и перед ним открылось низкое помещение под крышей. Узкое окно пропускало вечерний свет, разрезая темноту на пыльные полосы. В луче света медленно кружилась пыль, и от этого казалось, что чердак застрял где-то в прошлом.

Вокруг стояли коробки, мешки, сломанный стул, старые банки и книги без обложек.

Картонная коробка с надписью «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ», под которой мелким почерком было добавлено: «особенно не читать».

- Отлично, - пробормотал Кайн. - Секретная база стариков.

Он начал с ближайшей коробки. Внутри оказались газеты, фотографии, какие-то письма и ржавая отвёртка. Кайн перевернул стопку бумаг. Ключей не было. Во второй коробке лежали зимние перчатки, несколько ёлочных игрушек и потрескавшийся шахматный конь.

В третьей - война.

До него дошло не сразу. Сначала он увидел медаль - потом чёрно-белую фотографию: молодые лица, шинели, грязь на сапогах, кто-то улыбается слишком широко, точно заставил себя.

Дед среди них был почти неузнаваем - худой, прямой, с глазами человека, который ещё не знал, сколько всего придётся забывать. Кайн провёл пальцем по краю снимка.

Дед почти никогда не говорил о войне. Мог пошутить, мог отмахнуться, мог сказать: «Было и было», но иногда, когда телевизор показывал парад или старый фильм, он молча уходил на кухню и долго мыл одну и ту же чашку.

Кайн положил фотографию обратно осторожнее, чем собирался.

На дне коробки что-то лежало под выцветшей тряпкой. Он потянул ткань и увидел нож.

Сначала нож не показался особенным: простой, без украшений, в старых кожаных ножнах, потёртых по краям. Не коллекционный и не красивый - не такой, чтобы его захотелось повесить на стену или показывать друзьям, но взгляд зацепился.

Кайн нахмурился. Нож не выглядел опаснее любого другого ножа, и всё же от него было трудно оторваться. Не из-за формы и не из-за размера.

Скорее из-за ощущения, что среди мёртвых вещей на чердаке он один не был мёртвым.

- Ну привет, кандидат в улики, - тихо сказал Кайн.

Шутка прозвучала хуже, чем он ожидал.

Он взял ножны двумя пальцами и вытащил нож. Холод ударил в ладонь мгновенно. Это был не резкий ледяной холод, от которого сразу отдёргиваешь руку. Холод был странным: металл казался намного холоднее воздуха вокруг.

Кайн машинально хотел отпустить рукоять, но пальцы почему-то не сразу разжались. Из ножен показалось тусклое лезвие. Оно не блеснуло в полосе света. Наоборот - свет точно стал слабее там, где касался металла.

Кайн повертел нож, пытаясь поймать отражение окна. Не вышло. Лезвие оставалось матовым, глухим, как чёрная вода ночью.

- Странно

Внизу что-то стукнуло. Кайн вздрогнул и чуть не выронил нож.

- Нашёл?! - крикнул дед.

Кайн посмотрел на рукоять. На секунду ему показалось, что под пальцами прошёл слабый толчок.

Как пульс - показалось. Конечно, показалось.

- Не ключи! - ответил он и сам удивился, что голос вышел суше обычного.

Он спустился вниз быстрее, чем собирался. Дед сидел в старом кресле возле лампы и разбирал какие-то бумаги, но, когда Кайн вошёл, поднял взгляд. Сначала лениво, почти прищурив. Потом увидел нож, и вся живость ушла из его лица.

Вот тогда впервые стало ясно: вечер свернул не туда.

- Дед? - Кайн остановился у стола. - Ты знаешь, что это?

Старик не ответил. Он смотрел не на Кайна, а на нож. Так смотрят не на вещь, которую забыли. Так смотрят на дверь, которую годами держал закрытой, а потом услышал с другой стороны шаги.

- Где ты его нашёл? - спросил дед.

Голос был ровным. Слишком ровным для человека, который минуту назад спорил о пульте в холодильнике.

- На чердаке. В коробке с фотографиями.

Дед медленно протянул руку. Он не сразу взял нож: сначала коснулся рукояти кончиками пальцев, проверяя, не обожжёт ли. Потом всё-таки поднял.

Кайн заметил: рука у него дрожала слабо, но заметно.

- Это трофей, - сказал дед.

- С войны?

Старик кивнул.

- Нашёл у мёртвого солдата.

Лампа тихо гудела. За окном начинался дождь: редкие капли осторожно постукивали по стеклу, проверяя, можно ли войти.

- Наш? - спросил Кайн.

- Чужой.

Дед повернул лезвие к свету. Оно всё равно не отразило лампу.

- Молодой был. Почти мальчишка. Лежал в грязи, весь перекошенный. В руке - это. Сжимал так, что пальцы пришлось разжимать по одному.

Кайн поёжился.

- Звучит как вещь, которую нормальные люди оставляют там, где нашли.

- Нормальных людей на войне мало.

Дед сказал это без пафоса - как простую бытовую истину. Так говорят о простых вещах: зимой холодно, чайник иногда свистит слишком громко.

Он замолчал. Кайн сел напротив.

- И ты забрал?

- Забрал.

- Зачем?

Дед долго смотрел на нож.

- Тогда казалось, что всё надо забирать, если можешь: еду, патроны, ножи, сапоги. Чужую удачу.

Он усмехнулся коротко, без радости.

- Особенно чужую удачу.

Кайн хотел пошутить. Что-нибудь лёгкое - что-нибудь в стиле: «Ну да, семейная традиция - тащить домой сомнительные предметы», но шутка не пришла. Старик говорил не с ним, а с тем, кто всё ещё стоял где-то в прошлом.

- Там был ещё один, - вдруг произнёс дед.

Кайн поднял взгляд.

- Кто?

Дед моргнул - похоже, сам не понял, что сказал это вслух.

- Никто.

- Дед.

- Неважно.

- Ты только что сказал «ещё один».

Старик медленно положил нож на стол - не рядом с собой, а ближе к Кайну.

- Бывают вещи, о которых лучше не вспоминать.

- Обычно именно после таких фраз в фильмах кто-нибудь умирает.

- Значит, не смотри плохие фильмы.

Кайн усмехнулся, но дед - нет, и от этого стало хуже.

Несколько секунд они молчали. Между ними лежал нож - тусклый, простой, неподвижный.

Кайн вдруг понял, что не хочет оставлять его на столе. Не хочет, чтобы он просто лежал между ними. Это было глупое, детское чувство, но оно было.

- Если хочешь, забирай, - сказал дед.

Кайн нахмурился.

- Серьёзно?

- Серьёзно.

- Ты только что выглядел так, будто увидел налоговую в форме призрака.

- А теперь предлагаю тебе старый нож. Пользуйся моментом.

- Дед.

Старик поднял на него глаза. В них снова появилась привычная твёрдость. Та самая, из-за которой он мог спорить с врачами, соседями, телевизором и погодой.

- Он слишком долго лежал у меня, - сказал он. - Пусть теперь будет не здесь.

Ответ был плохой. Кайн уловил это. Не «бери, пригодится», не «память» и не «продашь, если захочешь» - пусть будет не здесь.

То есть дед отдавал нож не потому, что хотел подарить, а потому что хотел избавиться.

- Ты мог просто выбросить его, - тихо сказал Кайн.

Старик посмотрел на лезвие.

- Мог.

- Но не выбросил.

- Нет.

- Почему?

Дождь за окном усилился. Капли стали чаще, жёстче, и дом наполнился их шорохом. Дед не ответил.

Кайн вдруг вспомнил коробку на чердаке: фотографии, медаль, спрятанный под тряпкой нож. Не среди инструментов, не в гараже, не в шкафу.

Среди войны.

- Он тебе снится? - спросил Кайн.

Старик резко посмотрел на него. Вот это было уже не молчание - это был ответ.
По спине прошёл холод. Дед медленно отвёл взгляд.

- Меньше думай о стариковских глупостях.

- Дед

- Забирай или оставь.

Тон изменился - разговор закончился, по крайней мере для него.

Кайн протянул руку и взял нож. В этот раз холод пришёл не сразу. Сначала пришла лёгкость - мгновение, почти незаметное. Рукоять легла в ладонь слишком удобно, будто была сделана под его пальцы. Будто он уже держал её много раз.

Потом снова холод.

Кайн быстро убрал нож в ножны.

- Ладно, - сказал он, стараясь звучать так, будто всё происходящее не стало странным. -

Отнесу к антиквару. Может, он хотя бы скажет, что это.

- Не надо.

Слова сорвались у деда слишком быстро. Кайн замер.

- Почему?

Старик поджал губы.

- Старьё. Ничего ценного.

- Тогда почему не надо?

- Потому что люди задают вопросы.

- Антиквары этим и занимаются.

- Кайн.

Имя прозвучало резко. Не громко, но достаточно, чтобы Кайн замолчал.

Дед посмотрел на него долго, устало и впервые за вечер почти виновато.

- Просто будь осторожен.

- С ножом?

- С собой.

Кайн хотел спросить, что это значит, но не спросил. Иногда человек понимает: если задаст вопрос, ответ ему не понравится.

Он убрал нож в сумку. Ткань слегка натянулась, хотя вещь была небольшой. Сумка вдруг показалась тяжелее.

- Я поеду, - сказал Кайн. - Завтра пары. И Макс уже наверняка решил, что меня съел чердак.

Дед кивнул. Движение обычное, но взгляд его остался на сумке.

Кайн надел куртку, взял телефон, проверил карманы. Всё это заняло меньше минуты.

Дед проводил его до прихожей молча.

У двери Кайн остановился.

- Дед.

- Что?

- Если ты что-то знаешь, лучше сказать сейчас.

Старик посмотрел на него. Снаружи дождь стучал по крыльцу. Лампа в коридоре слегка мигнула.

На несколько секунд Кайну показалось, что дед сейчас действительно скажет: про войну, того «ещё одного», нож и сны. Но старик только протянул руку и поправил воротник его куртки, как делал, когда Кайн был школьником и забывал застёгиваться зимой.

- До общежития доберёшься - напиши.

- Я не ребёнок.

- Тогда напиши грамотно.

Кайн невольно усмехнулся.

- Ладно.

Он открыл дверь. Холодный воздух ударил в лицо. Дождь пах мокрой землёй, железом и листьями.

Кайн шагнул на крыльцо, потом обернулся. Дед стоял в дверях. Старый, упрямый, слишком прямой для человека, который только что отдал часть своего кошмара внуку.

- И ещё, - сказал старик.

Кайн поднял бровь.

- Если он начнёт

Дед осёкся. Дождь за окном вдруг отошёл на второй план.

- Если кто начнёт? - спросил Кайн.

Старик медленно выдохнул.

- Ничего. Забудь.

- Дед.

- Иди уже. Простудишься.

Дверь закрылась. Кайн остался на крыльце один. Несколько секунд он смотрел на старое дерево двери, ожидая, что дед передумает, откроет снова и договорит.

Не открыл.

Кайн спустился с крыльца и пошёл к калитке. Сумка на плече слегка била по боку в такт шагам. Внутри лежал нож: простой, тусклый, не отражающий свет.

У калитки Кайн остановился, и только тогда понял, что дед сказал не «если эта вещь» - не «если нож».

Он сказал: если он начнёт.

Речь шла не о предмете, а о ком-то живом.

Глава 2 - Обычный день уже закончился

Макс встретил Кайна так, точно тот вернулся не от деда, а из экспедиции на другую планету.

- О, живой, - сказал он, не отрываясь от монитора. - Я уже начал делить твоё имущество.

Кайн закрыл дверь плечом и скинул куртку на спинку стула.

- Там половина вещей твои.

- Именно поэтому процесс шёл быстро.

Комната общежития была маленькой, душной и почти родной. Две кровати, два стола, шкаф, который закрывался только если его пнуть, и подоконник, превращённый Максом в склад кружек. На стене висел постер старого фильма ужасов, который они повесили «на неделю» ещё на первом курсе. Из колонок шёл звук стрельбы. Макс сидел в наушниках, но одно ухо привычно оставил открытым. Он всегда так делал: вроде играет, но всё равно слышит, кто вошёл, кто вышел, кто врёт и кто пытается тихо открыть пакет чипсов.

- Ну что? - спросил он. - Нашёл ключи?

- Нет.

- Деньги?

- Нет.

- Тайное завещание, по которому ты теперь владелец замка и трёх проклятий?

Кайн поставил сумку возле кровати. Ткань тихо коснулась пола. Звук был слишком обычным, но почему-то он всё равно его услышал.

- Почти, - сказал Кайн.

Макс наконец повернулся.

- Это значит «нет» или «да, но я пока не готов раскрывать семейную драму»?

Кайн хотел ответить сразу - что-нибудь лёгкое, что-нибудь нормальное, но взгляд сам упал на сумку. На то место, где под тканью лежал нож.

- Нашёл старую железку, - сказал он.

- Железку?

- Нож.

Макс снял наушники полностью.

- Подожди. Ты поехал искать ключи, а вернулся с ножом?

- У нас в семье сложная логистика.

- У вас в семье надо вызвать специалиста.

Кайн усмехнулся. Получилось почти нормально. Он сел на кровать и расстегнул сумку. Нож лежал внутри, в старых потёртых ножнах. Простой, тихий, неподвижный. Макс вытянул шею.

- Покажешь?

Кайн замер. Ответ должен был быть простым: да, конечно. Они с Максом показывали друг другу всё подряд - новые кроссовки, странные находки с барахолки, неудачные переписки, мемы, которые лучше было бы забыть. Нож тоже мог быть просто вещью, но рука Кайна сама легла на молнию и закрыла сумку.

- Завтра, - сказал он. - Сейчас не хочу его доставать.

Макс прищурился.

- Он что, некрасивый?

- Старый.

- Тогда тем более. Старые ножи выглядят круче новых.

- Макс.

Тон вышел резче, чем Кайн хотел. Макс чуть поднял брови. Пауза длилась секунду - небольшую, но достаточную, чтобы Кайну стало неловко до злости.

- Ладно, - сказал Макс и снова повернулся к компьютеру. - Не хочешь - не показывай. Только не режь им колбасу. Вдруг там столетняя грязь и военное проклятие.

Кайн усмехнулся.

- Спасибо, доктор.

- Я не доктор. Я человек, который не хочет жить с соседом, умершим от исторического столбняка.

На этот раз Кайн рассмеялся по-настоящему. Ненадолго, но по-настоящему, и именно это на секунду вернуло всё на место: комнату, Макса, шум клавиатуры, пятно света от монитора, их дурацкий постер и недописанную работу по философии. Обычную жизнь, которую можно было потрогать руками.

Потом сумка у кровати точно стала тяжелее. Кайн отвёл взгляд.

- Завтра пятница, - сказал Макс. - После пар выбираемся куда-нибудь.

- Я думал, ты завтра собирался умирать в рейтинге.

- Я могу умирать и в реальной жизни. Главное - с друзьями.

- Очень вдохновляюще.

- Лена тоже хотела куда-то сходить.

Кайн посмотрел на него. Слишком быстро, и Макс сразу заметил и ухмыльнулся.

- О, реакция есть.

- Какая реакция?

- Самая обычная. Человеческая. Почти редкость для тебя.

- Я просто услышал знакомое имя.

- Конечно. Когда я произношу «деканат», ты тоже так смотришь.

Кайн бросил в него свёрнутую толстовку. Макс увернулся, не глядя, и довольно хмыкнул.

- Всё, решено. Завтра после пар идём в бар. Без твоего «я устал», «мне надо к деду», «я внезапно стал серьёзным человеком».

Кайн хотел сказать, что ему действительно надо к деду. Ключи всё ещё не найдены, а разговор с дедом оставил неприятный осадок, но он посмотрел на сумку и вдруг понял: оставаться одному ему почему-то не хочется.

- Ладно, - сказал он. - Только ненадолго.

- Это уже звучит как победа.

Ночью Кайн долго не мог уснуть. Не потому что боялся - по крайней мере, он пытался так думать. Просто в комнате было слишком тихо, когда Макс наконец выключил компьютер. За окном шумели машины. Где-то в коридоре хлопнула дверь. В трубах что-то щёлкнуло. Обычные звуки общежития, и всё равно Кайн каждый раз открывал глаза.

Сумка стояла возле кровати. Он не видел нож, но слишком хорошо знал, где тот лежит: с какой стороны сумки, как близко рукоять к краю. Это раздражало. Кайн перевернулся на другой бок.

- Спи уже, - пробормотал Макс со своей кровати.

- Я ничего не делаю.

- Ты очень громко ничего не делаешь.

- Прости.

- Извинения приняты. Теперь умри до будильника.

Кайн закрыл глаза. На несколько секунд ему почти удалось провалиться в сон, а потом в памяти всплыло лезвие - тусклое, не отражающее свет. Он резко открыл глаза.

Утро началось с того, что Макс не услышал будильник. Вернее, услышал, но сделал вид, что звук относится к кому-то другому. Телефон орал на столе уже третью минуту. Кайн лежал

на спине и смотрел в потолок, пытаясь решить, что сильнее: желание спать или желание выбросить телефон в окно.

Победила дружба. Он поднял подушку и бросил в Макса.

- Подъём.

Подушка попала точно в лицо. Макс издал звук человека, которого предали на дипломатических переговорах.

- За что?

- За всё.

- Я считал нас семьёй.

- Семья не ставит будильник на семь утра и не умирает под него.

Макс сел, волосы торчали в разные стороны.

- Я не умирал. Я медитировал.

- Ты храпел.

- Глубокая медитация.

Через сорок минут они вышли из общежития. Город встретил холодным воздухом и шумом машин. Небо было серым, но дождь закончился. Асфальт ещё блестел после ночи, и в лужах отражались остановки, окна, люди с кофе в руках.

Кайн надел сумку на плечо. Она сразу показалась тяжелее. Он остановился на полшага.

- Ты чего? - спросил Макс.

- Ничего.

- Ты сегодня очень часто «ничего».

- Нормальное слово.

- Для людей, которые что-то скрывают.

Кайн посмотрел на него. Макс улыбался, но глаза были внимательными. Вот за это Кайн иногда его ненавидел. Не по-настоящему. Просто Макс слишком хорошо чувствовал, когда рядом с ним кто-то начинает врать.

- Просто плохо спал, - сказал Кайн.

- Из-за ножа?

Вопрос прозвучал легко. Почти шуткой. Но пальцы сами сжались на ремне сумки.

- Из-за твоего будильника.

- Удар ниже пояса, но принимается.

Они дошли до корпуса вместе. У входа уже толпились студенты: кто-то курил, кто-то допивал кофе, кто-то судорожно листал конспект за пять минут до пары и делал вид, что это подготовка. Лена стояла у ступеней. Светлые волосы были собраны в небрежный хвост, в руках - два стакана кофе и папка с распечатками. Увидев их, она подняла один стакан.

- Я купила лишний.

Макс приложил руку к груди.

- Лена, ты спасла мне жизнь.

- Это не тебе.

- Ты разрушила мне жизнь.

Она протянула стакан Кайну.

- Тебе. Вид у тебя такой, будто ты спорил с потолком всю ночь и проиграл.

Кайн взял кофе. Тепло приятно легло в ладонь.

- Спасибо.

- Что случилось? - спросила Лена.

Без давления. От этого стало сложнее соврать.

- Ничего серьёзного.

Макс фыркнул.

- Второе «ничего» за утро. Я считаю.

- Найди себе хобби.

- Я нашёл. Наблюдать, как ты плохо врёшь.

Лена перевела взгляд с одного на другого.

- Вы опять?

- Это воспитательная работа, - сказал Макс. - Я пытаюсь вернуть его в общество.

- А я думала, ты сам оттуда выпал ещё на первом курсе.

Кайн улыбнулся. Вот так было легче. Когда они спорили, когда Макс изображал оскорблённого гения, когда Лена делала вид, что устала от них обоих, мир оставался нормальным. Не хорошим и не идеальным - просто нормальным.

Кайн сделал глоток кофе, и в тот же момент в плече появилось лёгкое давление. Не боль и не вес - просто напоминание: сумка, нож, он снова здесь. Кайн опустил стакан.

- Эй, - сказала Лена тише. - Ты правда в порядке?

Он хотел ответить привычно: «Да», «не выспался», «всё нормально», но почему-то слова застряли. Он посмотрел на неё и на секунду представил: рассказать. Просто сказать, что нашёл у деда странный нож, что дед испугался, что ночью он не мог спать. Это звучало бы глупо, но не безумно. Пока не безумно.

- Я потом расскажу, - сказал он наконец.

Лена не улыбнулась, но кивнула.

- Хорошо.

Макс перестал шутить всего на пару секунд, но Кайн заметил.

Первая пара прошла мимо него почти полностью. Он сидел в аудитории, открыв тетрадь на чистой странице. Преподаватель говорил о структуре аргументации, кто-то позади шептался, Макс рисовал на полях чудовище с подписью «декан после третьей чашки кофе». Лена честно писала конспект. Кайн пытался слушать. Получалось плохо.

Каждый раз, когда он наклонялся к тетради, ремень сумки касался ноги. И каждый раз он вспоминал: внутри лежит нож. Не дома, не у деда, не на чердаке - здесь, в аудитории, среди людей.

Он посмотрел на ряд впереди. Парень в серой толстовке смеялся над чем-то в телефоне. Девушка рядом поправляла браслет. Кто-то открыл шоколадку, и шуршание обёртки показалось слишком резким.

Кайн сжал ручку. Глупо. Это просто нож - старая вещь, металл и кожа. Он повторил это про себя несколько раз.

Не помогло.

На перемене Макс положил перед ним рисунок.

- Оцени.

На листе было существо с огромными глазами, кривыми зубами и подписью: «Кайн, если его не покормить». Кайн посмотрел.

- Похоже на тебя утром.

- Искусство не обязано быть реалистичным.

Лена наклонилась ближе и усмехнулась.

- Зубы надо больше.

- Предательство, - сказал Макс.

Кайн снова улыбнулся и снова почти поверил, что день можно прожить нормально.

Вторая пара была философией. Обычно Кайн любил эти лекции. Не потому что собирался стать великим мыслителем, а потому что преподаватель умел задавать вопросы так, что после них половина аудитории начинала спорить, а вторая половина делала вид, что пишет, лишь бы её не спросили.

Сегодня преподаватель вошёл без опоздания, поставил папку на стол и написал на доске одно слово: **ВЫБОР**.

- Начнём с простого, - сказал он. - Человек отвечает только за то, что сделал сам?
Кто-то на заднем ряду тихо простонал.

- Опять моральные ловушки.

Преподаватель услышал и улыбнулся.

- Именно. Они полезнее, чем кажется.

Кайн открыл тетрадь. Ручка легла в пальцы. Преподаватель продолжил:

- Представьте: вы можете причинить вред одному человеку, чтобы спасти нескольких.

Это будет преступление? Жертва? Необходимость?

В аудитории началось движение. Кто-то поднял руку. Кто-то сразу зашептался. Макс наклонился к Кайну.

- Я бы пожертвовал деканатом.

- Не считается. Там нет людей, - тихо ответил Кайн.

Макс беззвучно показал ему большой палец. Лена пихнула их локтем, не отрываясь от конспекта.

- Тише.

Кайн хотел улыбнуться, но преподаватель сказал следующую фразу.

- А теперь сложнее. Если действие совершаете не вы а через вас. Если ваше тело, ваш голос, ваши руки становятся инструментом чужой воли - где заканчивается ваша вина?

Ручка остановилась. Кайн не сразу понял, почему перестал писать. В аудитории кто-то ответил - кажется, парень с первого ряда. Преподаватель что-то уточнил. Лена записывала. Макс больше не шутил. А Кайн смотрел в тетрадь - на пустую строку.

Ваши руки становятся инструментом чужой воли.

Он медленно опустил взгляд на свою ладонь. Обычная рука. Пальцы немного испачканы чернилами. На костяшке маленькая царапина - вчера задел коробку на чердаке.

Ничего странного, и всё же ему вспомнилось, как рукоять ножа легла в ладонь. Слишком удобно, будто знала место. Холод вернулся в пальцы - не настоящий, только память о холоде. Он резко сжал кулак.

- Кайн? - тихо спросила Лена.

Он поднял глаза.

- Что?

- Ты лист порвал.

Он посмотрел вниз. Ручка продавила бумагу. На странице расплзлось чёрное пятно, а под ним действительно появилась рваная дырка.

- Чёрт, - пробормотал он.

Макс наклонился.

- Вот это вовлечённость в предмет.

Кайн заставил себя усмехнуться.

- Просто философия меня победила.

Но голос прозвучал не так - сухо. Лена услышала.

Преподаватель тем временем подошёл к доске и написал вторую фразу: **ИНСТРУМЕНТ НЕ НЕСЁТ ВИНУ. НО ЧЕЛОВЕК - НЕ ИНСТРУМЕНТ.**

Кайн смотрел на эти слова слишком долго. В какой-то момент шум аудитории стал глуше. Не исчез - просто отошёл назад: голоса, кашель, скрип стульев, шелест страниц. А потом сумка у его ног чуть сдвинулась.

Едва заметно.

Может, он сам задел её ботинком. Может, пол был неровный. Может, ничего не произошло. Кайн медленно опустил взгляд. Сумка стояла рядом. Обычная. Закрытая, но внутри, под тетрадь и старой зарядкой, лежал нож.

И Кайн вдруг поймал себя на мысли, что хочет открыть молнию и проверить, на месте ли он. Не потому что боялся потерять, а потому что боялся, что тот исчезнет. Эта мысль была настолько чужой, что его передёрнуло.

- Всё нормально? - спросила Лена уже серьезнее.

Кайн быстро кивнул.

- Да. Просто голова заболела.

Макс посмотрел на него внимательнее.

- После пары свалим? Бар можно отменить.

- Нет, - слишком быстро сказал Кайн.

Оба посмотрели на него. Он сам не понял, почему ответил так резко. Потому что ему действительно было плохо. Потому что лучше было бы вернуться в комнату, лечь, не думать, но мысль остаться одному рядом с сумкой вдруг показалась хуже шума, людей и бара. Кайн выдохнул и добавил спокойнее:

- Не надо отменять. Я просто устал. Посижу с вами - отпустит.

Лена кивнула. Макс ещё секунду смотрел, потом пожал плечами.

- Ладно. Но если начнёшь говорить цитатами преподавателя, я вызываю скорую.

Кайн попытался ответить. Не успел. Преподаватель снова заговорил:

- Запомните: иногда самый опасный выбор - тот, который человек делает заранее. До события. До преступления. До оправдания.

Кайн поднял глаза.

- Мы можем думать, что решение ещё впереди, - продолжил преподаватель. - Хотя на самом деле уже давно сделали первый шаг.

Тишина внутри Кайна стала неприятной. Он медленно посмотрел на сумку: на закрытую молнию, на едва заметный изгиб ткани там, где лежал нож. И впервые за весь день понял очень простую вещь: он мог оставить нож у деда. Мог выбросить его по дороге. Мог не брать его в университет, но всё равно взял.

Лекция продолжалась. Кайн больше не записывал.

Когда пара закончилась, аудитория ожила мгновенно. Стулья заскрипели. Люди потянулись к выходу. Макс что-то рассказывал Лене про бар, про «лучшие картофельные дольки в радиусе трёх кварталов» и про то, что Кайна сегодня нужно «социализировать принудительно, но гуманно».

Кайн поднял сумку. Вес снова оказался обычным.

Почти.

У двери он на секунду остановился и оглянулся на доску. Последняя фраза всё ещё была там: **ЧЕЛОВЕК - НЕ ИНСТРУМЕНТ.**

Кайн смотрел на неё, пока Лена не коснулась его плеча.

- Идём?

Он моргнул.

- Да.

- Ты точно хочешь в бар?

Кайн перевёл взгляд на неё. Лена не давила. Не требовала объяснений. Просто ждала, и от этого было ещё хуже. Он кивнул.

- Да. Не хочу сегодня оставаться один.

Она услышала не только слова. По её лицу было видно, но она не стала спрашивать.

- Тогда идём, - сказала Лена.

Макс уже ждал у выхода.

- Всё, философы, двигаем. Сегодня наша цель - доказать, что смысл жизни существует и подаётся с соусом.

Кайн усмехнулся. На этот раз почти искренне. Они вышли из аудитории вместе. Шум коридора накрыл их сразу: голоса, шаги, смех, хлопающие двери. Обычная пятница, обычный университет, обычные люди, которые думали о зачётах, еде, переписках и планах на вечер.

Кайн шёл рядом с ними, слушал Макса, отвечал Лене, иногда улыбался. И всё же, когда они спускались по лестнице, он поймал своё отражение в тёмном стекле окна. На секунду ему показалось, что отражение отстало.

Совсем чуть-чуть.

Кайн остановился. Отражение тоже остановилось - обычное, его собственное лицо, усталое, но человеческое.

- Кайн? - позвал Макс.

Он отвернулся от стекла.

- Иду.

Но, спускаясь дальше, Кайн уже знал: дело не в усталости. С того момента, как он взял нож у деда, обычный день не начался. Он просто очень хорошо притворялся.

Глава 3 - Антиквар

Бар пах жареным мясом, алкоголем и пятницей. Это стало ясно сразу, как только Макс распахнул дверь и торжественно произнёс:

-Добро пожаловать в храм дешёвых решений.

Изнутри ударил шум: голоса, смех, музыка из колонок, звон стаканов. Кто-то громко спорил у стойки, кто-то уже пытался петь вместе с песней, не попадая ни в слова, ни в ритм. Обычное, живое место. Именно поэтому Кайн на секунду остановился у входа.

Людей было слишком много.

Он сразу заметил дверь в туалет, запасной выход у дальнего коридора, компанию парней возле бильярдного стола, девушку у барной стойки, которая держала телефон так, будто ждала плохих новостей.

В голове всё вспыхнуло не как наблюдение, а как схема: вход, выход, толпа, препятствия и места, где можно застрять.

Кайн моргнул.

Что за бред?

-Эй. -Макс щёлкнул пальцами у него перед лицом. -Не зависай. Если ты сейчас начнёшь анализировать моральную природу картошки фри, я уйду один.

-Картошка фри невиновна, -сказал Кайн.

-Вот. Значит, ещё не всё потеряно.

Лена обошла их и кивнула в сторону свободного столика у стены.

-Там место. Пока его не заняли люди с более быстрыми ногами.

-У нас есть Кайн, -сказал Макс. -Он выглядит как человек, который может молча отпугивать конкурентов.

-Я рад быть полезным.

Они сели. Макс сразу занял место ближе к проходу, хотя сам этого не заметил. Лена поставила сумку рядом со стулом и начала изучать меню с выражением человека, который принимает важное государственное решение. Кайн сел с краю. Не потому что хотел видеть вход. Просто так получилось.

Он почти поверил в это.

-Так. -Макс хлопнул ладонями по столу. -Правила вечера. Первое: никто не говорит про учёбу.

-Ты сам заговоришь через десять минут, -сказала Лена.

-Второе: никто не говорит про философию.

Кайн поднял руку.

-Уточнение. Если я случайно скажу «экзистенциальный кризис», меня выгонят?

-Тебя вынесут.

-Жёстко.

-Гуманно, -поправила Лена.

Макс ткнул пальцем в Кайна.

-Третье: ты сегодня не сидишь с лицом призрака, которого забыли выключить.

-Это моё обычное лицо.

-Вот именно. Работай над собой.

Кайн улыбнулся, и на этот раз улыбка держалась дольше пары секунд. Они заказали еду. Макс, как и обещал, начал доказывать, что смысл жизни действительно можно подать с соусом. Лена спорила, что смысл жизни не должен оставлять жирные пятна на конспектах. Кайн вставлял короткие комментарии, и несколько раз они даже смеялись все вместе.

Почти нормально, почти хорошо. Почти как раньше.

Но сумка стояла у его ног. Она касалась ботинка, когда кто-то проходил мимо и задевал стол. Лёгкое движение ткани -и Кайн каждый раз на долю секунды напрягался.

Внутри лежал нож: тусклый, холодный, молчаливый.

Кайн сделал глоток воды.

-Ты опять ушёл, -сказала Лена.

Он поднял глаза.

-Что?

-Ты смотришь на стол так, будто он должен признаться в преступлении.

Макс наклонился, пристально посмотрел на деревянную поверхность и серьёзно сказал:

-Мы знаем, что ты сделал.

Лена прикрыла лицо ладонью.

-Макс.

-Я давлЮ психологически.

-На стол?

-С преступниками нельзя мягко.

Кайн усмехнулся. Шутка помогла. Немного.

-Просто голова болит, -сказал он.

-После философии у всех болит, -ответил Макс. -Это нормально. У меня после лекции вообще появилось желание стать растением.

-Растения тоже делают выбор, -сказала Лена.

Макс замер.

-Не начинай.

-Тянутся к свету или нет.

-Я сказал: не начинай.

Кайн слушал их и пытался удержаться за этот разговор. За слова. За глупость. За живую обычность, в которой никто не смотрел на старый нож так, будто тот мог заговорить.

Потом кто-то у стойки резко рассмеялся -громко, слишком близко к крику.

Кайн вздрогнул. Не сильно. Почти незаметно. Но Лена заметила.

-Кайн.

-Всё нормально.

Он ответил слишком быстро. Макс перестал жевать.

-Слушай, если тебе реально плохо, мы можем уйти.

-Нет.

И снова слишком быстро. Кайн сам услышал это и выдохнул.

-Нет, правда. Просто шумно.

-Ты же раньше нормально сидел в барах, -сказал Макс.

-Раньше тут не было тебя.

-Слабая попытка перевести тему, но я уважаю усилие.

Кайн потёр переносицу. Он не мог объяснить. Не мог сказать: «Я слышу каждый резкий звук так, точно мне сейчас надо отбиваться». Не мог сказать: «Я смотрю на людей и почему-то думаю, где они стоят, как двигаются, кто первым заметит опасность». Не мог сказать: «У меня в сумке нож, от которого дед побледнел, и мне кажется, что он становится тяжелее, когда вокруг слишком много жизни».

Потому что после такого Макс точно перестал бы шутить.

А Лена перестала бы смотреть на него так, будто он всё ещё Кайн.

-Мне надо выйти на минуту, -сказал он.

Лена сразу нахмурилась.

-С тобой пойти?

-Нет. Просто воздухом подышу.

Макс посмотрел на него внимательнее.

-Не сбегай.

-Я оставил тут вас. Куда я денусь?

-У тебя есть ноги и плохие решения.

-Вернусь через пять минут.

Кайн поднялся, взял сумку и только потом понял, что сделал. Макс заметил тоже.

-Ты сумку с собой берёшь?

Пауза вышла короткой, но неприятной.

-Там телефон, -сказал Кайн.

Телефон лежал в кармане. Он знал. Макс знал, что он обычно носит телефон в кармане. Лена, наверное, тоже. Но никто не сказал ни слова, и это было хуже.

На улице стало легче. Холодный воздух ударил в лицо, смыл часть шума, вытолкнул из головы тяжёлый гул бара. Кайн отошёл на несколько шагов от входа и остановился под козырьком. Дождя не было. Только мокрый асфальт, редкие машины и отражения вывесок в лужах.

Он медленно вдохнул. Потом ещё раз.

Пальцы сжимали ремень сумки.

-Что со мной происходит

Ответа, конечно, не было, и именно это раздражало сильнее всего. Если бы нож заговорил, Кайн хотя бы получил доказательство, что окончательно сошёл с ума. Но он молчал: лежал в сумке, давил своим присутствием и заставлял думать о себе, даже когда вокруг были люди, еда, смех и Лена, которая купила ему кофе утром.

Кайн резко расстегнул молнию. Не до конца, только настолько, чтобы увидеть ножны.

Нож лежал на месте.

Облегчение пришло первым, а следом -испуг от самого облегчения.

-Нет, -тихо сказал он самому себе. -Это просто вещь.

Слова прозвучали слабо. Он закрыл сумку.

На противоположной стороне улицы мигнула вывеска. Кайн раньше не обращал на неё внимания, хотя, наверное, проходил здесь десятки раз. Небольшая лавка между аптекой и закрытым книжным магазином. Старое стекло, тёмная витрина. Над дверью висела выцветшая табличка: «АНТИКВАРИАТ».

Кайн замер.

Внутри всё неприятно сжалось. Идея появилась сама -простая, почти нормальная: узнать, что это за нож.

Не у деда, который явно что-то скрывает, не у Макса, который превратит всё в шутку, и не у интернета, где любой поиск по словам «старый нож не отражает свет» закончится форумом людей, которые фотографируют призраков на микроволновку.

У человека, который разбирается в старых вещах.

Кайн посмотрел на дверь бара. Он обещал вернуться через пять минут. Потом снова на вывеску. Лавка выглядела закрытой, но внутри горел слабый свет.

Кайн достал телефон. Написал Максус:

Кайн: задержусь на 10 минут. надо кое-что проверить.

Макс: если ты сбежал -я заберу твою картошку.

Кайн: заслужил.

Макс: это звучит как прощальное сообщение.

Кайн: я рядом. реально.

Он убрал телефон и перешёл улицу.

Колокольчик над дверью звякнул тихо, почти устало. Внутри пахло пылью, деревом и старой бумагой. Не как на чердаке у деда: там вещи просто лежали слишком долго. Здесь они будто ждали, пока кто-нибудь вспомнит, зачем вообще нужны.

Полки поднимались почти до потолка. Часы без стрелок, серебряные ложки, иконы в потемневших окладах, сломанные музыкальные шкатулки. Фарфоровые лица кукол в темноте выглядели слишком внимательными.

Кайн сделал шаг. Половица скрипнула.

-Добрый вечер, -сказал голос.

Он прозвучал сбоку. Кайн повернулся.

За прилавком сидел пожилой мужчина в сером жилете. Перед ним лежали разобранные карманные часы, тонкая отвёртка и лупа. Волосы у него были седые, аккуратно зачёсанные назад, а глаза -неожиданно ясные. Такие глаза редко бывают у людей, которые просто продают старые ложки.

-Добрый, -ответил Кайн.

Мужчина поднял взгляд. Оценил его быстро: лицо, руки, сумка, снова лицо. Не грубо, а профессионально.

-Чем могу помочь?

Кайн вдруг понял, что не подготовил нормального объяснения. «Здравствуйте, мой дед отдал мне нож, который, возможно, снится старикам и портит настроение на лекциях». Отличное начало разговора.

-Я хотел узнать кое-что об одной вещи, -сказал он.

-Продаёте?

-Не знаю.

Антиквар чуть наклонил голову.

-Обычно люди знают, хотят они расстаться с вещью или нет.

Кайн положил сумку на прилавок.

-Я пока хочу понять, что это.

Он расстегнул молнию и достал ножны. Только когда Кайн положил нож на прилавок, он понял: в лавке стало тише. Не буквально. Часы на стене всё так же тикали. Где-то за шкафом гудела старая лампа. С улицы доносился шум машин, но сам воздух будто напрягся.

Антиквар не двигался. Он смотрел на нож слишком долго.

-Можно? -спросил он наконец.

Голос остался вежливым, но стал ниже. Кайн кивнул.

Мужчина не сразу взял нож. Сначала убрал лупу. Потом вытер пальцы о тканевую салфетку. Только после этого осторожно коснулся ножен. Не лезвия, даже не рукояти, а ножен. Будто не хотел трогать сам нож раньше времени.

Он вынул его медленно. Лезвие показалось под светом лампы.

Не блеснуло.

Антиквар перестал дышать. Кайн это заметил.

-Вы знаете, что это? -спросил Кайн.

Мужчина не ответил. Он повернул нож под лампой. Наклонил. Поднёс ближе к глазам. Провёл взглядом по рукояти, по краю лезвия, по старым тёмным пятнам у основания.

Пальцы у него едва заметно дрожали.

-Где вы это взяли? -спросил антиквар.

-У деда.

-Ваш дед коллекционер?

-Нет.

-Военный?

Кайн напрягся.

-Был.

Антиквар медленно поднял взгляд.

-Он отдал это добровольно?

Вопрос был странный. Слишком точный.

-Да, -сказал Кайн. -А что?

Мужчина положил нож на прилавок. Очень осторожно. Потом отодвинул от себя на несколько сантиметров.

-Старый предмет, -сказал он.

-Это я и сам понял.

-Очень старый.

-Насколько?

Антиквар посмотрел на лезвие.

-Не по металлу. По ощущению.

Кайн нахмурился.

-Что это значит?

Мужчина, кажется, пожалел, что сказал лишнее. Он сцепил пальцы перед собой и некоторое время молчал. Кайн начал злиться. Не сильно. Пока.

-Слушайте, -сказал он. -Если это просто военный нож, скажите. Если подделка -тоже. Если он что-то стоит -назовите цену. Мне не нужна тайна века.

-Такие вещи не оценивают как обычный металл.

-Тогда как?

Антиквар посмотрел на него, и до Кайна дошло: мужчина боится не его, а ножа.

-Иногда вещь стоит слишком дорого не потому, что её можно продать, -сказал антиквар. -А потому, что за неё уже заплатили.

Кайн молчал. Фраза была красивой и совершенно бесполезной.

-Конкретнее можно?

Антиквар вздохнул.

-Металл почти не повреждён. Ножны старые, но лезвие выглядит так, будто его не берёт время. Ни нормальной коррозии, ни следов правильной реставрации. Такое бывает редко.

-Редко -это значит «дорого»?

-Редко -это значит «опасно задавать вопросы».

Повисла тишина.

Кайн медленно провёл языком по пересохшим губам.

-Вы уже видели такие вещи?

Антиквар молчал слишком долго.

-Я видел предметы, которые лучше было бы оставить там, где их нашли.

Холод вернулся в пальцы.

-Мой дед сказал почти то же самое.

-Значит, ваш дед умнее, чем вы думаете.

-Он отдал его мне.

Антиквар посмотрел на него странно. Почти с жалостью.

-Тогда, возможно, он просто устал бояться один.

Эти слова ударили неожиданно больно. Кайн вспомнил деда у двери.

Если он начнёт

-Вы можете его купить? -спросил Кайн.

Вопрос вырвался сам. Антиквар замер. Потом медленно посмотрел на нож. В лавке за стеной что-то щёлкнуло -может, старые часы, может, проводка.

Мужчина открыл рот, но тут же закрыл.

На несколько секунд он действительно задумался. Кайн это видел. Видел, как в глазах антиквара мелькнули расчёт, цена, редкость, возможность -а потом страх.

Он отступил первым.

-Нет.

-Вы даже не назвали сумму.

-И не назову.

-Почему?

Антиквар резко, почти грубо, задвинул нож обратно к нему.

-Потому что я не покупаю вещи, которые смотрят в ответ.

Кайн не сразу понял фразу. Потом понял, и ему стало неприятно.

-Вы сейчас издеваетесь?

-Я сейчас очень стараюсь остаться живым человеком, который закроет лавку, выпьет чай и не будет жалеть о собственной жадности.

Впервые в голосе антиквара появилась злость. Не на Кайна, а на себя, на ситуацию и на нож.

Кайн медленно убрал ножны в сумку. Руки слушались хуже, чем обычно.

-Что мне с ним делать?

Антиквар смотрел на него так, будто ответ был простым и невозможным одновременно.

-Верните тому, кто отдал.

-А если не получится?

-Тогда не носите его с собой.

Кайн усмехнулся. Коротко. Без радости.

-Все сегодня дают очень полезные советы.

Антиквар не улыбнулся.

-Молодой человек.

Кайн уже повернулся к двери, но остановился.

-Что?

Мужчина вышел из-за прилавка. Не вплотную, но достаточно близко, чтобы говорить тише.

-Если рядом с этим ножом начнут происходить странности - уходите от людей.

Внутри всё стало холоднее.

-Какие странности?

Антиквар посмотрел на сумку.

-Сначала обычно кажется, что это просто совпадения. Сны. Навязчивые мысли. Ощущение, что вещь лежит не там, где вы её оставили.

Кайн не двигался.

-Потом вы начнёте делать то, чего не собирались делать.

В лавке снова повисла тишина. Лампа над прилавком тихо гудела.

-Откуда вы это знаете? -спросил Кайн.

Мужчина отвёл взгляд.

-Я слишком долго торгую старым.

-Это не ответ.

-Другого у меня для вас нет.

Он вернулся за прилавок и снова взял лупу. Разговор был закончен, но руки у него больше не были спокойными.

Кайн стоял ещё несколько секунд. Потом открыл дверь. Колокольчик звякнул.

Перед тем как выйти, он услышал за спиной:

-И ещё.

Кайн обернулся. Антиквар не смотрел на него.

-Если кто-то уже знает, что он у вас не идите домой один.

Кайн хотел спросить, что это значит, но мужчина опустил голову к часам, будто больше ничего не сказал бы даже под угрозой.

Кайн вышел.

На улице стало прохладнее. Шум бара доносился с другой стороны дороги. Где-то там Макс, наверное, уже съел его картошку. Лена, возможно, смотрела на дверь и думала, что он слишком долго.

Обычный мир был совсем рядом: через одну дорогу, через несколько шагов.

Кайн мог вернуться туда, сесть за стол.

Сказать: «Антиквар оказался странным».

Посмеяться и сделать вид, что всё нормально.

Он даже сделал шаг к переходу и остановился.

Позади раздались шаги: тяжёлые, чёткие, не случайные.

Кайн медленно обернулся.

Человек в капюшоне стоял у края света от фонаря. Слишком близко, и смотрел не на Кайна.

На сумку.

Глава 4 - Первое убийство

Сначала Кайн подумал, что это случайность. Вечер был поздний: узкая улица, бар через дорогу и антикварная лавка за спиной. Человек в капюшоне мог ждать кого угодно. Мог просто стоять под фонарём, пряча лицо от холодного ветра. Мог смотреть не на сумку, а мимо неё.

Кайн даже почти убедил себя в этом.

Почти.

Потом незнакомец сделал шаг вперёд, и сомнения кончились: нет, не случайность.

- Тебе что-то нужно? - спросил Кайн.

Голос вышел спокойнее, чем он ожидал. Возможно, потому что с другой стороны дороги всё ещё доносился шум бара: смех, музыка, глухой бас. Там были Макс и Лена. Там была картошка, которую Макс, скорее всего, действительно уже ел без него. Там был обычный мир всего в тридцати метрах.

Незнакомец не ответил. Он стоял на краю света, и фонарь освещал только нижнюю часть лица: бледную кожу, сжатые губы, щетину на подбородке. Капюшон скрывал глаза.

Кайн сделал шаг назад. Рука сама легла на ремень сумки. Плохая идея - это стало ясно сразу. Незнакомец тоже это увидел.

- Значит, правда у тебя, - сказал он.

Голос был хриплым, не старым, скорее сорванным. Так говорят люди, которые давно не спали или слишком долго кричали.

- Что у меня? - спросил Кайн.

- Не притворяйся.

- Я не знаю, о чём ты.

- Знаешь.

Человек сделал ещё шаг. Внутри всё сжалось. Даже не страх - подготовка к страху. Та секунда, когда тело уже понимает, что сейчас придётся бежать, а мозг ещё пытается договориться.

- Слушай, - сказал Кайн, поднимая свободную руку. - Если тебе нужны деньги, у меня почти ничего нет.

- Деньги?

Незнакомец коротко усмехнулся. Смех был неприятный и пустой.

- Думаешь, я пришёл за деньгами?

Он резко поднял голову. И Кайн увидел глаза.

В них не было обычной уличной злости. Не было пьяной наглости, жадности или желания просто напугать случайного студента. Там были ненависть и страх.

Страх был хуже.

- Отдай нож, - сказал незнакомец.

Кайн замер. Шум бара за спиной будто стал тише.

- Какой нож?

- Последний раз повторяю.

Незнакомец опустил руку в карман куртки. Кайн увидел движение и сделал шаг назад.

- Стой.

- Отдай.

- Я сейчас позову людей.

- Позови.

Ответ прозвучал слишком быстро. Слишком уверенно. Кайн бросил взгляд через дорогу. Дверь бара открылась, выпустив наружу вспышку света, музыку и двух смеющихся парней. Один закурил у входа. Другой что-то говорил ему, размахивая телефоном.

Люди и помощь были совсем рядом. Нужно просто крикнуть, но незнакомец стоял так, будто это ничего не меняло.

Кайн сглотнул.

- Кто ты?

- Тот, кто понимает, что ты носишь.

- Да что я ношу-то?

Вопрос сорвался громче, чем он хотел. Парни у бара на секунду обернулись. Незнакомец даже не посмотрел в их сторону.

- Спящее оружие, - сказал он тихо. - И даже не знаешь, что оно ждёт.

Кайн не понял слов, но тело поняло угрозу.

Поздно.

Незнакомец рванул вперёд. Быстрее, чем Кайн ожидал. Кайн попытался отскочить, но сумка ударила по боку, ремень запутался на плече, ботинок скользнул по мокрому асфальту. Он успел только поднять руку.

Удар пришёлся в предплечье. Не клинком, а кулаком - тяжело и точно. Кайн вскрикнул и отшатнулся.

- Эй! - крикнул кто-то у бара.

Незнакомец не остановился. Следующий удар пришёл в живот. Воздух вышибло из лёгких. Кайн согнулся, хватая ртом пустоту, и получил коленом в грудь. Мир качнулся. Асфальт ударил в ладонь, потом в колено.

Сумку рванули с плеча.

- Отпусти! - прошипел незнакомец.

Кайн вцепился в ремень обеими руками, сам не зная зачем. Нож был внутри, и он не должен был его забрать. Мысль была ясной, чужой, слишком ясной.

- Отпусти сам! - выдохнул Кайн.

Незнакомец ударил его ещё раз. Боль вспыхнула в боку. Пальцы разжались. Сумка ушла в руки нападавшего, и в тот же момент внутри Кайна что-то сорвалось. Не ярость и не страх - пустота, резкая и глубокая, будто из груди выдернули что-то важное.

Незнакомец отступил на два шага, судорожно расстёгивая молнию. Кайн попытался подняться, но тело не слушалось. В боку горело, ладонь саднило от асфальта, дыхание рвалось короткими, бесполезными глотками.

- Эй! - снова крикнули у бара. - Что там у вас?!

Дверь открылась шире. Свет полосой лёг на мокрую дорогу. Незнакомец достал ножны. Его пальцы дрожали не от слабости, а от нетерпения.

- Дурак, - прошептал он. - Ты даже не знаешь, как оно просыпается.

Кайн поднял голову.

- Что

- Кровью владельца.

Фраза прозвучала почти ласково, и от этого стала страшнее. Незнакомец вытащил нож из ножен. Лезвие показалось под фонарём.

Не блеснуло.

Свет вокруг него стал тусклее, будто фонарь на секунду устал гореть. Холод прошёл не по ладони, а в груди.

- Стой, - выдохнул Кайн.

Незнакомец шагнул к нему.

- Прости.

В этом «прости» не было сожаления. Только решение.

Кайн попытался отползти. Руки скользнули по мокрому асфальту. Он услышал чей-то голос с другой стороны дороги. Кажется, Макса. Кажется, своё имя.

Не успел.

Незнакомец ударил ножом - коротко, снизу вверх, под рёбра.

На секунду не было ничего. Только толчок, как от сильного удара в грудь. Потом пришёл холод. Глубокий, настоящий. Кайн раскрыл рот, но вместо крика вышел хрип. Воздух не входил.

Не выходил.

Тело не понимало, как дышать. Незнакомец выдернул нож. Кайн увидел тёмное пятно на своей куртке. Оно быстро расплзлось. Слишком быстро.

Вот теперь он испугался. Не странного ножа и не человека в капюшоне, а простой, тупой мысли: я умираю.

Незнакомец смотрел на лезвие. На нём была кровь Кайна. Кровь не стекала. Она впитывалась медленно, как если бы металл пил.

- Вот так, - прошептал незнакомец.

Но голос у него дрогнул.

Нож начал меняться. Не формой - присутствием. Тусклое лезвие стало глубже, темнее. Внутри металла проступили тонкие алые линии, похожие на трещины под кожей. Они вспыхнули и погасли, вспыхнули снова - в такт сердцу Кайна. Последним ударам сердца.

Кайн попытался зажать рану. Пальцы стали скользкими. Мир поплыл. Звуки отдалились: бар, люди, машины, крики. Всё стало далеко, а нож - близко.

Слишком близко.

Незнакомец попытался спрятать его обратно в ножны. Не смог. Рукоять дёрнулась в его пальцах.

- Нет - прошептал он. - Нет, нет, ты должен

Нож вырвался. Не как предмет, который уронили, а как живое существо, которому надоело, что его держат неправильно. Лезвие описало короткую дугу в воздухе и ударило в ладонь Кайна рукоятью вперёд.

Пальцы сами сомкнулись на рукояти слишком крепко.

В тот же миг боль в груди исчезла. Нет, не исчезла. Она просто отодвинулась куда-то в сторону, как шум за закрытой дверью. На коже правой руки вспыхнул знак - алый, неровный, похожий на ожог, который выжигали изнутри.

Кайн хотел закричать. Не смог.

Где-то глубоко, прямо в голове, появилось слово.

Наконец.

Оно было спокойным, довольным, живым.

Кайн замер. Это не было мыслью и не было звуком. Это было что-то, что говорило внутри него так, будто всегда имело право там быть.

Незнакомец отступил. Впервые.

- Нет, - выдохнул он. - Он выбрал нет

Кайн хотел спросить, кто «он». Хотел бросить нож, зажать рану и позвать Макса. Не получилось.

Тело поднялось само, плавно, без рывка. Так не встают с пробитой грудью. Так не двигаются люди, которым осталось несколько секунд.

Кайн видел собственную руку. Видел нож. Видел незнакомца впереди, но между желанием и движением будто появилась стеклянная стена. Он был внутри, а тело - снаружи.

Незнакомец рванулся первым. От страха.

Кайн увидел это слишком чётко: как меняется положение плеча, как левая нога скользит по мокрому асфальту, как рука пойдёт к его ране, чтобы толкнуть, добить, снова забрать нож.

Он не должен был успеть, но тело уже двигалось. Шаг в сторону, короткий разворот - и рука незнакомца прошла мимо. Рука Кайна ударила в ответ.

Быстро. Точно.

Нож вошёл в плечо нападавшего и тут же вышел. Человек вскрикнул. Кайн тоже хотел вскрикнуть, но не смог.

Он смотрел, как незнакомец падает на одно колено, хватаясь за рану. Смотрел слишком спокойно, будто это происходило на экране.

Нет.

Нет, остановись.

Он попытался отступить. Тело шагнуло вперёд.

- Подожди! - захрипел незнакомец. - Подожди, я не

Следующий удар рассёк ему ладонь. Кровь брызнула на асфальт. Кайн видел отражение фонаря в луже. Видел свою тень. Она двигалась раньше него.

- Я не хотел - прохрипел человек.

Ложь.

Теперь слово прозвучало яснее. Кайн не знал, кому оно принадлежит. Ему? Ножу? Чему-то между?

Незнакомец попытался отползти. Кайн наклонил голову. Движение было не его. Совсем не его, и всё же он чувствовал всё: тяжесть рукояти, холод металла, мокрый асфальт под подошвами, резкий запах страха, который почему-то казался почти осязаемым.

Остановись.

Пожалуйста.

Остановись.

Тело не остановилось. Кайн сделал шаг. Незнакомец поднял руку, защищаясь.

- Не надо

Где-то за спиной кто-то крикнул:

- Полицию вызывайте!

Свет из бара стал ярче. Дверь распахнулась. Люди выходили на улицу, но никто ещё не понимал, что видит.

Кайн понимал. Слишком хорошо.

Он понимал, куда войдёт лезвие. Понимал, что следующий удар будет последним. Понимал - и не мог остановить руку.

Нож опустил. Коротко. Без лишнего движения.

Незнакомец дёрнулся. Потом обмяк.

Тишина пришла не сразу. Сначала ещё были звуки: чей-то крик, резкий писк тормозов, музыка из открытой двери бара, голос Макса где-то далеко:

- Кайн?!

Это имя пробило стекло.

Кайн резко вдохнул. Мир вернулся: слишком громкий, слишком яркий, слишком настоящий.

Он стоял посреди мокрой улицы. Перед ним лежал человек. Это уже не было нападением, дракой или «самообороной», которую можно быстро объяснить полиции, друзьям, себе.

Просто человек.

Неподвижный.

Кайн опустил взгляд на свою грудь. Куртка была разрезана. Ткань пропиталась кровью. Рана всё ещё была там. Глубокая. Смертельная.

Но он стоял. Стоял и дышал.

Каждый вдох отдавался болью, но лёгкие работали. Сердце билось. Тело не падало. На коже руки алел знак.

Кайн медленно посмотрел на нож. На рукаве была кровь. На асфальте была кровь. На его ладони была кровь.

А лезвие было чистым.

Абсолютно.

Ни капли.

Свет фонаря не отражался в металле. Но Кайну показалось, что где-то глубоко внутри тусклого лезвия что-то довольно шевельнулось.

Он попытался разжать пальцы. На этот раз получилось.

Нож выпал из руки и ударился о мокрый асфальт. Тихий звук оказался громче всех криков.

Кайн смотрел на чистое лезвие и теперь понимал. Нож не проснулся просто так. Его разбудили его кровью.

Кровью владельца.

И почему-то это было страшнее, чем сама смерть.

Глава 5 - Это был не я

Позже Кайн не смог вспомнить, как ушёл с той улицы. Не целиком и не по шагам - только кусками.

Крик Макса с другой стороны дороги.

- Кайн?!

Распахнутая дверь бара. Люди, которые высыпали наружу и сразу остановились, потому что никто не хотел первым подойти к телу. Телефон в чьей-то руке. Женский голос:

- Он истекает кровью! Вызовите скорую!

Кайн тогда не понял, о ком она: о человеке на асфальте или о нём. Он стоял, глядя на нож у своих ног, и никак не мог решить, что страшнее: кровь на куртке или чистое лезвие.

Потом фонарь над улицей мигнул. Один раз, потом второй. Свет стал рваным. Лица людей то появлялись, то исчезали. Кто-то крикнул ещё громче. Кто-то отступил назад. Кто-то, кажется, назвал полицию. Кайн поднял взгляд.

Через дорогу, у входа в бар, стоял Макс. Не один. Рядом была Лена, бледная, с телефоном в руке. Макс смотрел будто прямо на него. Нет, не совсем прямо. Кайн стоял боком, половину лица скрывала тень от капюшона куртки. Между ними были дорога, дождевые блики, люди, открытая дверь бара и тело на асфальте.

Но Макс всё равно смотрел так, будто почти узнал.

Почти, и этого было достаточно.

Кайн хотел сказать: «Это не я». Хотел поднять руки, попросить помощи, упасть. Вместо этого его пальцы снова сомкнулись на рукояти ножа.

Не стой.

Голос был тихим. Не шёпотом даже. Мыслью, которая не спрашивала разрешения. Кайн вздрогнул.

- Нет

Беги.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Кто-то закричал:

- Эй! Стой!

Кайн сорвался с места. Он бежал не быстро и не красиво: почти упал на первом же повороте, врезался плечом в стену, оставил на кирпиче кровавый след и продолжил бежать.

Ноги плохо слушались. Рана под рёбрами горела, но уже не так, как должна была гореть смертельная рана. Боль стала глухой, далёкой, будто принадлежала не ему, а человеку, за которым он наблюдал со стороны.

Позади кричали не за ним, а друг на друга. Одни требовали скорую. Другие - полицию. Третьи спорили, трогать ли тело. Кто-то пытался понять, куда делся парень с сумкой. Кто-то говорил, что видел нож. Кто-то уверял, что было двое.

Кайн слышал всё слишком отчётливо. Даже когда свернул в переулок. Даже когда шум бара остался за спиной.

Он бежал, пока лёгкие не начали рваться от каждого вдоха. Потом остановился за мусорными контейнерами и согнулся пополам. Его вырвало. Сначала водой и кислым кофе. Потом - почти ничем.

Он стоял, упираясь ладонью в холодную стену, и дрожал так сильно, что зубы стучали друг о друга.

- Что я сделал

Ответ пришёл сразу.

Выжил.

Кайн резко ударил кулаком по стене. Боль вспыхнула в костяшках. Настоящая. Его боль.

- Замолчи.

Тишина осталась, но не пустая. Он чувствовал присутствие ножа у бедра, хотя даже не помнил, как засунул его обратно в сумку.

Нет - не в сумку.

В руке.

Кайн медленно опустил взгляд. Нож был у него в пальцах. Чистый. Он едва не закричал. Разжал руку. Лезвие упало бы на грязный асфальт, но пальцы снова дёрнулись и поймали рукоять раньше, чем нож коснулся земли.

Кайн застыл.

- Нет

Это движение было слишком быстрым. Слишком точным. И он не решил его сделать.

Где-то далеко завывала сирена. Кайн поднял голову. Сирена приближалась. Тело среагировало раньше мысли. Он спрятал нож в сумку, прижал её к груди и пошёл дальше по переулку.

Не побегал: бегущего запомнят, бегущего останавливают, бегущий виноват.

Откуда он это знал?

Он не знал. Просто вдруг стало очевидно.

Через две улицы Кайн остановился у витрины закрытой аптеки. В стекле отразился человек с мокрыми волосами, бледным лицом, тёмной от крови курткой и рукой на боку. Глаза были широко раскрыты, но взгляд оставался пустым.

Кайн не сразу понял, что смотрит на себя.

Он расстегнул куртку дрожащими пальцами. Под рёбрами была глубокая, невозможная рана. Края кожи уже начали стягиваться. Не заживать нормально - нет. Скорее закрываться насильно, грубо, будто тело сшивали изнутри невидимыми крючьями.

Кровь всё ещё текла, но меньше. Слишком мало для удара, который должен был его убить.

Кайн медленно отступил от стекла.

- Я должен быть мёртв.

Да.

Голос не стал спорить. От этого стало хуже.

Он добрался до общежития через сорок минут. Или через десять. Или через час. Время ломалось. Кайн шёл дворами, под арками, через тёмные проходы между домами. Один раз мимо проехала полицейская машина, и он спрятался за припаркованным фургоном, перестав дышать до боли в горле. Второй раз ему показалось, что за ним идут, но он обернулся - никого.

У входа в общежитие было тихо. Слишком тихо для вечера.

Кайн остановился напротив дверей и вдруг понял очевидное: он не может войти так. Кровь на куртке, лицо, руки, Макс - всё это сразу сложилось в одну тупую, страшную мысль. Если Макс уже вернулся. Если он видел. Если он сейчас там, в комнате, ждёт его.

Кайн зажал рот ладонью, чтобы не выругаться вслух.

Нужно было думать.

Он обошёл здание сзади. Возле служебного входа стояли мусорные баки, рядом - старая наружная лестница к пожарному выходу. На первом этаже в общем туалете горел свет.

Кто-то оставил форточку открытой. Кайн посмотрел на неё.

- Да ну нет

Через минуту он уже протискивался внутрь. Плечо задело раму. Рана под рёбрами вспыхнула болью. Он едва не сорвался и не упал обратно, но всё же пролез, рухнул на холодную плитку и несколько секунд лежал, пытаясь не шуметь.

В туалете никого не было. Слава богу.

Кайн поднялся, запер дверь изнутри и посмотрел в зеркало. Сразу отвернулся.

Нет. Сначала руки.

Он включил воду. Струя ударила в раковину слишком громко. Кайн вздрогнул, убавил напор и сунул ладони под холодную воду.

Красное потекло вниз тонкими нитями. Под ногтями кровь держалась упрямо. Он тёр кожу, пока она не стала болеть. Потом тёр ещё. Вода окрашивалась, смывала, уносила, но запах оставался: железо, тёплое и живое.

Кайн согнулся над раковиной и зажмурился. Перед глазами вспыхнуло лицо незнакомца. Рот, который пытался сказать «не надо». Рука, поднятая для защиты. Последний удар.

- Это был не я, - прошептал Кайн.

Слова прозвучали в шуме воды почти убедительно.

Почти.

Он снял куртку. Ткань прилипла к боку. Кайн стиснул зубы и отодрал её от раны. Кровь снова выступила, но немного. Невозможное тело продолжало закрываться.

Под курткой футболка была испорчена полностью. Кайн снял и её. Скомкал. Посмотрел на мусорное ведро. Слишком просто. Там найдут.

Он осмотрелся, открыл окно и увидел внизу контейнер с мусором. Несколько секунд просто стоял, тяжело дыша. Потом завернул футболку в куртку, засунул внутрь несколько бумажных полотенец, чтобы кровь не капала, и выбросил свёрток вниз.

Это было плохо и глупо, но лучше, чем оставить здесь.

В сумке была старая толстовка - он носил её «на всякий случай», потому что в общежитии отопление иногда работало как азартная игра. Кайн натянул её на голое тело. Ткань коснулась раны, и он едва не застонал.

На руке всё ещё алела метка. Она больше не светилась, но была. Как ожог, как клеймо.

Кайн попытался смыть её водой. Бесполезно. Он тёр кожу, пока она не покраснела вокруг знака. Метка не изменилась.

- Чёрт

Он опустил рукав толстовки ниже.

Когда Кайн вышел из туалета, коридор был пуст. До комнаты оставалось всего два пролёта. Каждый шаг казался слишком громким. На втором этаже кто-то смеялся за дверью. На третьем пахло лапшой быстрого приготовления. Где-то играла музыка.

Обычная жизнь общежития шла дальше, и от этого Кайну стало почти физически больно.

Он дошёл до своей двери, остановился и прислушался.

Внутри было тихо.

Может, Макса нет, он всё ещё в баре или уже в полиции. Может, он видел.

Кайн открыл дверь.

Макс сидел на своей кровати. Не за компьютером и не в наушниках. Просто сидел. Телефон лежал в руке, экран погас. Лицо было бледнее обычного.

Когда Кайн вошёл, Макс резко поднял голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Кайн вдруг понял, что не знает, как выглядит: в чужой толстовке, без куртки, с мокрыми волосами и лицом человека, который только что пытался смыть чужую кровь с рук.

- Где ты был? - спросил Макс.

Голос был тихий. Не злой. Это было хуже.

Кайн закрыл дверь.

- Гулял.

Слово вышло мёртвым. Макс медленно встал.

- Не надо.

- Что?

- Не надо мне сейчас вот это.

Кайн застыл. Макс сжал телефон в руке.

- Там человека убили.

В комнате повисла тишина. Рана под рёбрами снова заболела.

- Я знаю.

- Ты знаешь?

- Я видел толпу. Потом ушёл.

- Ты ушёл?

Макс смотрел на него так, будто каждое слово Кайна ложилось не туда.

- Я тебя звал.

Кайн не ответил сразу.

Вот оно.

- Мне показалось, - сказал он.

- Что показалось?

- Что кто-то позвал. Я испугался. Там был нож, кровь, люди начали кричать. Я просто ушёл.

Лож складывалась сама. Не идеально, но достаточно быстро. Кайн ненавидел себя за то, как легко она пошла.

Макс смотрел на него. Долго.

- Я видел кого-то похожего на тебя.

Внутри всё остановилось. Кайн заставил себя нахмуриться.

- В смысле?

- Там, возле тела. Когда фонарь мигал. Я не уверен.

Макс провёл рукой по лицу.

- Чёрт, я вообще не уверен, что видел. Всё было быстро. Люди орали. Лена плакала. Кто-то толкнул меня. Потом этот человек побежал в переулок.

Лена плакала.

Эти два слова ударили сильнее, чем вопрос Макса. Кайн опустил взгляд.

- Это был не я.

Он сказал это слишком быстро. Слишком ровно.

Макс замолчал. В комнате стало слышно, как гудит старый холодильник в коридоре.

- Я не сказал, что это был ты, - тихо произнёс Макс.

Ошибка стала очевидной слишком поздно. Кайн поднял глаза.

- Я просто ты так смотришь.

Макс сделал шаг ближе.

- Кайн, что происходит?

- Ничего.

- Хватит.

- Я устал.

- Ты исчез после того, как сказал, что выйдешь на пять минут. Потом рядом с баром убили человека. Потом ты возвращаешься без куртки, мокрый, с лицом как у мертвеца и говоришь «гулял».

Кайн сжал пальцы. Нужно было ответить. Нужно было придумать что-то лучше, но в голове были только асфальт, кровь и чистое лезвие.

- На меня напали, - сказал он.

Макс замер. Это была правда. Часть правды. Самая удобная её часть.

- Что?

- После лавки. Какой-то псих. Я не понял, что ему нужно. Он ударил меня. Я убежал.

- Почему ты не сказал?!

- Потому что я сам не понял, что произошло!

Голос сорвался. Не специально, но это помогло. Макс отступил на полшага. Его лицо изменилось: подозрение не исчезло, но к нему добавился страх. За Кайна. Не перед ним.

Пока.

- Он тебя ранил?

Кайн чуть опустил руку на бок. Слишком заметно. Макс увидел.

- Покажи.

- Нет.

- Кайн.

- Не надо.

- Покажи рану.

- Я сказал, не надо!

Тишина ударила по комнате.

Макс застыл. Кайн тоже. Он не хотел кричать. Он вообще не хотел, но в груди поднялось что-то резкое, звериное. Желание, чтобы от него отстали. Чтобы перестали спрашивать. Чтобы не лезли ближе. Чтобы Макс сделал шаг назад.

Макс сделал.

И Кайн увидел это. Увидел страх в его глазах. Маленький. Почти сразу спрятанный, но настоящий.

Внутри что-то тихо шевельнулось.

Не сейчас.

Кайн резко отвернулся.

- Прости.

Слово получилось хриплым.

- Я просто не могу сейчас.

Макс молчал. Потом тихо сказал:

- Лена тебе звонила.

Кайн закрыл глаза.

- Я знаю.

Он не знал. Телефон всё это время был в кармане. Наверное, вибрировал. Наверное, нет. Он боялся смотреть.

- Она испугалась, - сказал Макс. - Мы оба испугались.

Кайн очень медленно кивнул.

- Я напишу ей.

- Напиши.

Повисла пауза.

- И мне не ври.

Кайн посмотрел на него. Макс уже не был весёлым соседом с дурацкими шутками. Он стоял напротив и пытался удержать их обычную жизнь голыми руками, хотя ещё не понимал, что она уже треснула.

- Я не вру, - сказал Кайн.

Цена была мгновенной. Он увидел, как Макс ему не поверил. Не до конца, и всё равно кивнул.

- Ладно.

Это «ладно» было хуже обвинения. Макс взял куртку со стула.

- Я пойду к Лене. Она возле корпуса, ждёт такси.

- Сейчас?

- Да.

Он остановился у двери.

- Ты точно не хочешь в больницу?

Кайн покачал головой.

- Просто хочу в душ.

Макс смотрел ещё секунду. Потом вышел.

Дверь закрылась.

Кайн остался один, и только тогда ноги подломились. Он сел на пол возле кровати, прижимая руку к боку. Боль возвращалась волнами. Уже не смертельная, но достаточно сильная, чтобы напоминать: рана была настоящей.

Телефон завибрировал. Кайн достал его.

Пять пропущенных от Лены. Три от Макса. Сообщения.

Лена: где ты?

Лена: Кайн, ответь

Лена: пожалуйста

Макс: ты где

Макс: это был ты?

Макс: ответь, блять

Кайн смотрел на последнее сообщение. Палец завис над экраном. Потом он написал Лене:

Кайн: я в общаге. живой. извини. на меня напали, я испугался и убежал. расскажу завтра.

Он отправил. Сразу захотелось стереть.

Слишком поздно.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Лена: ты ранен?

Кайн: нет. просто ушибы.

Лена: это правда?

Кайн: да.

Ещё одна ложь.

Телефон дрогнул в руке. Не от вибрации. От его пальцев.

Кайн положил его экраном вниз. Потом поднялся и пошёл в душ.

Ванная встретила холодным белым светом. Он закрыл дверь на замок. Снял толстовку. Повязка из бумажных полотенец, которую он кое-как прижал к боку, пропиталась кровью. Кайн оторвал её и посмотрел на рану.

Она почти закрылась.

Почти.

Под рёбрами остался тёмный неровный след, будто кожа не зажила, а была грубо запечатана. Вокруг проступали тонкие красные линии. Они уходили под кожу и тянулись к метке на руке.

Кайн долго смотрел.

Потом его снова вырвало.

Он включил душ. Холодная вода ударила по спине, по плечам, по ране. Кайн зажал рот ладонью, чтобы не застонать. Красное стекало по коже, смешивалось с водой, уходило в слив. Крови было слишком много - чужой и своей. Он уже не мог различить.

- Это был не я, - сказал он.

Вода заглушила голос.

- Это был не я.

Он повторил громче, будто если сказать достаточно раз, тело поверит.

Где-то внутри стало тихо. Потом голос ответил:

Ты держал нож.

Кайн замер. Вода била по затылку.

- Нет.

Ты видел.

- Нет.

Ты чувствовал.

- Замолчи.

Ты выжил.

Кайн ударил кулаком в кафель. Один раз, потом второй. Боль разошлась по руке, но голос не исчез. Он не смеялся. Не издевался. Это было хуже. Он просто говорил так, будто перечислял факты.

Кайн выключил воду.

В ванной стало неестественно тихо. Он медленно поднял голову и посмотрел в зеркало. На него смотрел он сам: бледный, мокрый, с красной меткой на руке и тёмным следом под рёбрами. Глаза казались чужими.

Кайн приблизился к зеркалу. Положил ладонь на раковину.

- Это был не я, - прошептал он в третий раз.

Отражение посмотрело на него и на долю секунды улыбнулось. Чуть-чуть. Почти незаметно. Только уголком губ.

Кайн не улыбался.

Он отшатнулся так резко, что ударился спиной о дверь. Сердце сорвалось в бешеный ритм. Зеркало снова показывало его обычное лицо: испуганное, живое. Пока ещё живое.

Из комнаты, за стеной, тихо завибрировал телефон.

Новое сообщение.

Кайн стоял неподвижно, не решаясь выйти. Потому что уже знал: если Макс написал снова, он будет спрашивать правду. Если Лена - ему придётся соврать ещё раз. А если новости

Он медленно открыл дверь.

Телефон лежал на кровати экраном вверх. На экране светилось уведомление из городского канала:

Срочно: убийство возле бара на улице Литейной. Полиция ищет молодого мужчину, скрывшегося с места преступления. Очевидцы утверждают, что нападавший был ранен, но продолжил двигаться.

Кайн прочитал строку один раз, потом второй.

Рука с меткой начала снова ныть, а внизу уведомления уже появлялось следующее:

Видео происшествия удалено пользователем или недоступно.

Глава 6 - Метка

Кайн не спал. Он лежал на кровати в полной темноте и смотрел в потолок, хотя потолка почти не видел - только серое пятно над собой, разрезанное полосой света из коридора под дверью. В комнате пахло влажной одеждой, дешёвым мылом и железом. Последний запах был невозможен: он вымыл руки - дважды, потом ещё раз, сменил толстовку, выкинул окровавленные вещи, протёр раковину, проверил ногти, пол и дверную ручку в ванной. Проверил всё, что могло сохранить след.

Запах всё равно остался. Может, он был не в комнате - в нём. Телефон лежал экраном вниз рядом с подушкой. За последний час он вибрировал шесть раз: два сообщения от Лены, одно от Макса и три уведомления из городских каналов. Кайн считал, хотя не хотел. Он не открывал. Не потому что не хотел знать, а потому что уже знал достаточно. Полиция ищет молодого мужчину. Очевидцы утверждают, что нападавший был ранен, но продолжил двигаться.

Видео удалено.

Эта строка крутилась в голове отдельно. Удалено кем? Пользователем? Платформой? Полицией? Или кем-то, кто понял больше остальных? Кайн закрыл глаза и сразу увидел нож - чистый. Он резко открыл глаза снова. На соседней кровати было пусто. Макс так и не вернулся. Наверное, остался с Леной. Наверное, они говорили о нём, а Макс пытался решить, поверить ему или нет. Кайн повернулся на бок. Рана под рёбрами отозвалась тупой болью.

Он осторожно поднял край футболки. След всё ещё был там. Уже не рана - почти шрам. Тёмная неровная линия под кожей, вокруг которой расходились тонкие красноватые прожилки. Они стали бледнее, чем в ванной, но не исчезли. Казалось, тело зашило себя неправильно и теперь само не понимало, что с этим делать.

Кайн опустил футболку. Потом посмотрел на правую руку. Метка скрывалась под рукавом. Он не хотел её видеть и всё равно медленно стянул ткань выше.

Знак выглядел как ожог. Неровный, точно вырезанный грубой рукой. Линии сходились у запястья, расходились к костяшкам и терялись на коже, как следы от тонких раскалённых нитей. Он не был похож ни на татуировку, ни на шрам. Скорее на что-то, что кожа пыталась отвергнуть, но не могла. Кайн коснулся метки пальцем. Боли почти не было - только слабое тепло.

- Что ты со мной сделал?.. - прошептал он.

Тишина. Кайн не знал, радоваться этому или бояться. После душа голос больше не говорил: не спорил, не шептал, не называл факты. Просто исчез, но отсутствие голоса не делало его свободным. Наоборот. Теперь Кайн ждал его, и от этого ненавидел себя ещё сильнее.

Телефон снова завибрировал. Он вздрогнул. Секунду смотрел на тёмный корпус, потом всё-таки взял. Сообщение от Макса.

Макс: я у Лены. она дома. жива.

Макс: ты точно в порядке?

Макс: просто ответь нормально.

Кайн смотрел на экран так долго, что тот начал гаснуть. Пальцы сами набрали:

Кайн: да. просто плохо. завтра поговорим.

Он удалил. Написал снова:

Кайн: я в порядке. прости за сегодня.

Удалил и это. Потом набрал третье:

Кайн: живой. не могу сейчас говорить.

Отправил. Ответ пришёл через несколько секунд.

Макс: я не понимаю, что происходит.

Макс: но я рядом, если ты не будешь делать вид, что я идиот.

Кайн закрыл глаза. На горле встал ком. Он хотел написать правду: «Я убил человека». «Меня ударили ножом, но рана закрылась». «Старый нож говорит со мной». «Я не знаю, где заканчиваюсь я». «Мне страшно, Макс». Пальцы не двигались. Потом пришло сообщение от Лены.

Лена: мне страшно за тебя. пожалуйста, завтра ответь нормально. не исчезай.

Кайн сжал телефон так сильно, что костяшки побелели.

- Я не исчезну, - сказал он в темноту.

Слова прозвучали жалко. Потому что часть его уже понимала: он исчез ещё тогда, на улице. Просто тело вернулось в комнату. Он положил телефон обратно, и только тогда боль в руке дала о себе знать. Сначала слабая - будто метку прижали к горячей батарее. Кайн нахмурился и сел. Боль усилилась. Тепло стало жаром.

- Нет

Он отдернул рукав. Метка светилась не ярко - не как в кино. Под кожей тлел алый свет, пульсирующий в ритме сердца. Линии знака медленно наливались цветом, точно просыпались одна за другой. Кайн вскочил с кровати. Комната качнулась.

- Нет, нет, нет

Он бросился к раковине в углу, включил холодную воду и сунул руку под струю.

Не помогло.

Жар шёл изнутри. Метка вспыхнула сильнее. Кайн сжал зубы, чтобы не закричать.

Двигайся.

Голос вернулся так спокойно, точно не исчезал. Кайн замер. Вода била по руке. Капли разбивались о кожу и летели на край раковины.

- Что?.. - выдохнул он.

Двигайся.

Теперь слово было яснее. Тише обычной речи, но твёрже любой мысли. Кайн отступил от раковины.

- Нет.

Боль тут же усилилась. Он согнулся, хватаясь за запястье. Казалось, под кожей поворачивают раскалённый крюк.

- А-а тварь

Не спорь.

- Пошёл ты.

Он сделал шаг к двери. Не потому что хотел выйти, а потому что боль на секунду ослабла. Кайн остановился. Боль вернулась. Метка вспыхнула, и ответ сам встал на место.

- Ты ведёшь меня?

Ответа не было. Только пульс, жар и очень простое ощущение направления: вниз - на улицу - в ночь.

- Нет.

Кайн резко отступил от двери и схватил ремень от сумки. Обмотал его вокруг запястья, потом вокруг металлической стойки кровати. Потянул, проверяя узел. Глупо, слабо, но хоть что-то.

- Я никуда не пойду.

Метка вспыхнула так, что он закусил рукав, чтобы не заорать. Боль стала белой. Она вытолкнула из головы всё: Макса, Лену, новости, тело на асфальте. Остались только рука, жар и необходимость сделать шаг. Кайн упал на колено. Стойка кровати скрипнула. Ремень натянулся.

Двигайся.

- Нет

Двигайся.

- Я сказал нет

Ремень лопнул не сразу. Сначала кожа треснула у пряжки. Потом ткань с сухим щелчком разошлась пополам. Кайн посмотрел на оборванный конец в руке. Он не рвал. Он даже не помнил, как тянул.

Секунду спустя он уже стоял у двери. Ключ повернулся в замке. Рука делала всё сама. Кайн смотрел на собственные пальцы и чувствовал, как страх снова становится холоднее.

- Не надо, - прошептал он.

Но дверь открылась. Коридор встретил его тусклым светом и запахом лапши. Где-то на нижнем этаже хлопнула дверь. Из соседней комнаты доносился смех и звук видео с телефона.

Нормальные люди не знали, что он выходит. Нормальные люди спали, жили и не двигались к нему.

Не двигайся к ним, подумал Кайн. Пожалуйста.

Тело пошло к лестнице. Он сжал рукав на правой руке, пытаясь скрыть свет метки. Хорошо ещё, что в коридоре было полутемно. Пара студентов прошла навстречу.

Один зевнул. Другой что-то рассказывал про завтрашний зачёт. Кайн опустил голову. Они прошли мимо, и он вдруг услышал их сердца. Не ушами - это был не звук. Скорее ритм рядом: живой, тёплый, близкий. Он остановился. Желудок свело странным голодом - не таким, как когда хочешь есть, а глубже и грязнее. Кайн резко прижался плечом к стене и зажмурился.

- Нет.

Не сейчас.

Голос прозвучал почти равнодушно. От этого стало ещё страшнее.

Не сейчас.

То есть потом?

Кайн открыл глаза. Студенты уже ушли. Он спустился вниз. У выхода сидел вахтёр и смотрел старый сериал на телефоне. Кайн прошёл мимо, задержав дыхание. Вахтёр поднял глаза, но только на секунду.

- Поздно гулять собрался?

Кайн заставил себя ответить:

- В аптеку. Голова болит.

- У всех она болит, - проворчал вахтёр. - Учиться меньше надо.

Дверь открылась. Холодный воздух ударил в лицо. Метка сразу стала тише. Кайн вышел на улицу и понял, что совершил ошибку.

У общежития стояла полицейская машина. Без сирены и мигалок. Просто стояла у тротуара, слишком спокойно для случайности. Двое полицейских разговаривали у входа с комендантом. Ещё один курил чуть в стороне, поглядывая на окна здания.

Кайн остановился в тени возле двери. Сердце ударило в горло.

Они уже здесь.

Не из-за него? Из-за убийства рядом с баром? Из-за видео? Из-за того, что Макс что-то сказал? Нет. Макс бы не стал. Наверное.

Курящий полицейский повернул голову. Кайн шагнул назад.

Слишком поздно.

- Молодой человек.

Голос был обычный - рабочий, но для Кайна он прозвучал как выстрел.

- Подойдите на минуту.

Кайн не двинулся. Полицейский прищурился и сделал шаг в его сторону.

- Эй. Вы из этого общежития?

Метка вспыхнула не болью - предупреждением.

Беги.

Кайн сжал кулаки.

- Я ничего не сделал.

Он не хотел говорить это вслух. Слова сами сорвались. Полицейский остановился. Выражение лица изменилось. Совсем чуть-чуть, но хватило.

- Я задал другой вопрос.

У входа повернулись остальные. Пространство вокруг сжалось: дверь за спиной, полицейский впереди, двое слева, машина справа, камера над входом, окна общежития. Слишком много света, и где-то в сумке - нож. Он не помнил, как взял сумку. Она была на плече. Конечно была. Всегда была.

Полицейский заметил его взгляд.

- Что в сумке?

Кайн сделал шаг назад.

- Учебники.

- Откройте.

Нет.

Слово ударило изнутри. Кайн вздрогнул. Полицейский положил руку на кобуру.

- Молодой человек, спокойно. Сумку на землю.

Кайн не мог, не хотел и не понимал, где его «не могу», а где чужое. Второй полицейский уже подходил сбоку.

- Это он? - тихо спросил кто-то.

Кайн услышал. Слишком хорошо.

Это он.

Фраза разошлась по телу ледяной волной. Метка вспыхнула алым. На этот раз её увидели. Полицейский резко изменился в лице.

- Руки вверх!

Кайн поднял правую руку, и свет метки проступил из-под рукава. Секунда - очень короткая, но все её увидели. Комендант отшатнулся. Один из полицейских выругался. Первый выхватил оружие.

- На землю!

Мир сузился до ствола, пальца на спуске и собственного дыхания. Кайн хотел упасть. Хотел объяснить. Хотел сделать хоть что-нибудь человеческое, но голос сказал:

Скажи.

Кайн застыл.

- Что?.. - прошептал он.

Скажи.

Слово пришло вместе с болью. Не как приказ - как воспоминание. Он знал его. Не мог знать, но знал. Полицейский шагнул ближе.

- Последнее предупреждение!

Кайн сжал ремень сумки. Слова всплыли сами - тёмные, чужие и почему-то правильные.

- Танец тени.

На долю секунды ничего не произошло. Потом мир провалился в тишину. Не погас и не исчез - просто стал плоским, как фотография. Фонарь застыл в воздухе белым пятном. Полицейский перед ним двигался медленнее, чем должен. Дождевые капли, оставшиеся на козырьке, падали почти неподвижно. Звуки ушли под воду.

Кайн сделал шаг, и тень под ногами развернулась. Не как дым и не как портал - просто темнота стала глубже ровно там, где должна была быть обычная тень от фонаря.

Тело стало лёгким. Слишком лёгким. Нет - не лёгким, точным. Кайн шагнул в сторону и оказался у стены общежития - сразу, будто расстояния между ним и стеной не было. Он не понял, как. Полицейский крикнул что-то, но звук пришёл с опозданием.

Кайн сделал второй шаг. Тень от дерева легла поперёк тротуара. Он наступил на неё. Мир рванул. Город смазлся в серые полосы. Кайн оказался за углом здания. Сердце колотилось, но тело двигалось само, цепляясь за тени: подъезд, припаркованная машина, мусорные баки, низкая арка между домами.

Каждый шаг срывал его с места и бросал дальше, туда, где свет был слабее. За спиной кричали.

- Стой!

- Куда он делся?!

- Видели это?!

Кайн не оборачивался. Он боялся, что, если обернётся, ноги откажут. Или наоборот - побежит быстрее.

Третий шаг через тень дался больнее. Рука вспыхнула жаром. Рана под рёбрами снова открылась. Кровь текла по боку, пропитывая футболку.

Цена.

Голос произнёс это почти спокойно. Кайн задыхался.

- Какая ещё цена

Танец требует тела.

Он не хотел понимать. Понял сразу. Каждый шаг через тень забирал силы: не магию, не абстрактную энергию - мышцы, кровь, дыхание, сердце. Его собственное тело платило за то, чтобы не быть там, где его должны были схватить.

Кайн вылетел в узкий двор и врезался плечом в кирпичную стену. Мир снова стал обычным - слишком громким и тяжёлым. Он согнулся, хватая воздух ртом. Метку точно залили кипятком. Рука дрожала.

Ноги не держали, но он был далеко: достаточно далеко, чтобы не видеть общежитие, и недостаточно, чтобы чувствовать себя спасённым. Кайн медленно сполз по стене вниз.

- Что это было

Танец тени.

Теперь голос звучал ближе - довольнее.

Первый шаг.

- Я не хотел.

Хотел.

- Нет.

Ты хотел уйти.

Кайн закрыл глаза. Спорить было нечем. Он действительно хотел уйти. Не попасться. Спрятаться. Выжить, и нож снова дал ему ровно то, что он хотел. Только своим способом.

Вдалеке взвыла сирена. Потом ещё одна. Кайн поднял голову. Телефон в кармане снова вибрировал. Он достал его дрожащими пальцами. Сообщение от Макса.

Макс: к тебе в общагу приехали менты. где ты?

Кайн смотрел на экран. Потом на свою руку. Метка под кожей медленно гасла, но не исчезала. Он хотел написать: «я не знаю», и впервые это было бы почти правдой.

Сверху, с крыши соседнего дома, что-то тихо скрипнуло. Кайн резко поднял взгляд. На краю крыши никого не было. Только мокрый бетон, антенны и чёрная полоса ночного неба, но ощущение взгляда осталось. Чёткое. Холодное. Не полицейское.

Кайн медленно поднялся, держась за стену. Он не знал, куда идти. Домой нельзя, в общагу нельзя. К деду - возможно, к людям - опасно. Нож в сумке стал тяжёлым. Метка на руке ещё раз коротко пульснула, и вместе с ней в голове всплыло слово, которого он не хотел знать.

Не голос и не приказ - направление.

Дальше.

Кайн стиснул зубы и пошёл в темноту между домами. За спиной оставались общежитие, полиция и жизнь, в которую он уже не знал, как вернуться, а впереди тени ложились так, точно ждали его.

Глава 7 - Дед знал больше

К дому деда Кайн пришёл под утро. Он не помнил весь путь - только отдельные места: пустую остановку, где электронное табло мигало сломанными цифрами; двор, в котором спала дворняга и даже не подняла голову; закрытый магазин с решётками на окнах; собственное отражение в витрине, которое двигалось рядом с ним, но каждый раз казалось чуть более чужим.

Несколько раз телефон вибрировал в кармане. Кайн не отвечал. Один раз достал, увидел имя Макса и сразу убрал обратно.

Не потому что не хотел говорить - хотел. Именно поэтому и убрал. Если услышит голос Макса - сорвётся. Если Макс спросит правду - соврёт. Если не спросит - станет ещё хуже. Рана под рёбрами снова открылась после «Танца тени». Кровь уже не текла ручьём, но ткань футболки неприятно липла к коже. Каждый шаг отдавался тупой болью внутри, тело нарочно напоминало: ты должен был умереть ещё ночью, не привыкай. Метка на руке почти погасла.

Почти - под кожей иногда проходил слабый алый пульс. Как уголь под золой.

Кайн остановился у знакомой калитки. Дом деда стоял в конце узкой улицы, старый и упрямый, как сам хозяин. В одном окне горел свет. Не яркий - кухонный, жёлтый, усталый. Дед не спал. Это стало ясно ещё до того, как за занавеской появился силуэт.

Он толкнул калитку. Петли скрипнули. Внутри дома что-то сразу замерло.

Через несколько секунд дверь открылась. Дед стоял на пороге в старом свитере, с тростью в руке. Не опирался на неё - держал как оружие. Лицо было серым от бессонной ночи.

- Кайн?

Одного слова хватило. В нём были и страх, и облегчение, и то тяжёлое «я знал», которое дед не произнёс. Кайн хотел сказать что-нибудь нормальное. «Привет». «Можно войти?» «Я всё испортил». Вместо этого он выдохнул:

- Что это за нож?

Дед несколько секунд смотрел на него: на мокрые волосы, порванный рукав, руку, которую Кайн пытался держать в кармане, и пятно крови под курткой. Потом молча отступил в сторону.

- Заходи.

Дом пах чаем, старым деревом и лекарствами. Тепло ударило в лицо так резко, что Кайна повело. Он ухватился за стену.

- Сядь, - сказал дед.

- Не надо.

- Сядь.

Тон был таким, что спорить не получилось. Кайн сел на кухонный стул. Сумку положил рядом, но не отпустил ремень. Пальцы сами держались за него, как за последнюю понятную вещь.

Дед закрыл дверь на замок. Потом поставил чайник. Кайн почти рассмеялся.

- Серьёзно?

- Да.

- Я пришёл в крови, а ты ставишь чайник.

- Если человек пришёл в крови, ему тем более нужен чай.

- Это медицинский факт?

- Это стариковский.

Шутка должна была разрядить воздух. Не разрядила. Дед повернулся к нему.

- Покажи руку.

Кайн не двинулся.

- Кайн.

Он медленно вытащил правую руку из кармана и закатал рукав. Метка проступала на коже тёмно-красным ожогом. В обычном кухонном свете она выглядела ещё хуже: не мистически, не красиво, а больно и грязно, как след от чужой воли.

Дед снова побледнел - так же, как в первый вечер, когда увидел нож на столе.

- Значит, началось, - тихо сказал он.

Кайн резко поднял голову.

- Ты знал.

Дед молчал.

- Ты знал, что это может случиться.

- Нет.

- Не ври мне.

Голос Кайна стал жёстче. Он сам услышал это и испугался, но не остановился.

- Ты видел нож и побледнел. Ты сказал: «если он начнёт». Ты не хотел, чтобы я шёл к антиквару. Ты всё знал.

- Я знал, что эта вещь неправильная.

- Это не ответ.

- Другого у меня тогда не было.

- А сейчас есть?

Дед медленно сел напротив. Чайник начал шуметь за его спиной.

- Сейчас ты уже вляпался достаточно глубоко, чтобы услышать то, что я сам пытался забыть шестьдесят лет.

Кайн застыл.

Шестьдесят лет.

До этого момента нож был ужасом последних суток. Вдруг он стал чем-то гораздо старше. Дед смотрел на стол, а не на него.

- На войне были вещи, о которых потом не писали в отчётах. Не потому что их засекретили красиво, с печатями и подписями. Проще - их не хотели понимать.

- Какие вещи?

- Люди, которые не умирали, когда должны были.

Пальцы на ремне сумки сжались сильнее.

- Носители?

Слово вырвалось само. Он не знал, откуда взял его. Дед посмотрел на него.

- Что?

Кайн замолчал. Слово осело между ними тяжёлым камнем. Носитель. Он впервые произнёс его вслух и понял: оно подходит слишком хорошо.

- Не знаю, - сказал он. - Просто пришло в голову.

Дед долго смотрел на него, потом отвёл взгляд.

- Тогда слушай.

Чайник закипел. Никто не встал его выключить.

- Это было уже под конец войны, - начал дед. - Все были измотаны. Свои, чужие - никто уже не выглядел людьми. Грязь, дым, кровь, холод. Усталость такая, что ты перестаёшь бояться смерти. Не потому что храбрый - просто сил бояться нет.

Кайн молчал.

- Мы услышали стрельбу с левого фланга. Много - слишком много для обычной перестрелки. Потом крики. Не команды, не «вперёд» и не «назад» - просто крики.

Дед сжал пальцы. Костяшки побелели.

- Один из наших прибежал в окоп и упал прямо в грязь. Кричал, что там человек, которого нельзя убить. Мы решили, что он ранен и несёт бред.

- А потом?

- Потом увидели сами.

Кухня стала тише. Даже чайник точно шумел где-то далеко.

- Мужик шёл через поле. Высокий, весь в крови. Форма на нём была чужая, но уже не поймёшь чья - всё порвано, всё залито. По нему стреляли. Он падал, потом вставал, снова шёл - и убивал всех, кто оказывался рядом.

Кайн видел перед собой не кухню, а поле, грязь и фигуру, которая должна лежать, но идёт.

- У него был нож? - спросил он.

- Нет.

Дед ответил сразу.

- У него было другое оружие. Длинное - то ли клинок, то ли кусок металла. Я так и не понял. Оно двигалось неправильно.

- Неправильно как?

Старик медленно поднял глаза.

- Будто не он держал оружие. А оружие держало его.

В груди поднялся холод. Слишком знакомая формулировка.

- Он говорил? - спросил Кайн.

Дед нахмурился.

- Кто?

- Тот человек.

- Нет. Кажется, нет. Он только дышал, хрипел и смотрел так, будто вообще не видел нас. Как зверь, который чувствует движение, но не различает лиц.

Кайн опустил взгляд. Вчера у бара он тоже не видел лиц - только движение, угол удара и страх.

- Чем всё закончилось?

Дед долго молчал.

- Его остановили.

- Кто?

- Не наши - и не те, с кем мы тогда воевали.

Кайн поднял голову.

- Что значит?

- После боя пришли люди. В форме, но не армейской. Спокойные, чистые - это было самое мерзкое. Вокруг мёртвые, грязь, дым, а они идут так, будто уже видели подобное сотни раз.

- Сколько их было?

- Трое, может, четверо. Я плохо помню лица. Одного запомнил лучше.

- Почему?

Дед провёл ладонью по лицу.

- У него на руке был знак.

Кайн медленно посмотрел на свою метку.

- Такой же?

- Нет. Другой. Но я тогда ещё не знал, что знаки бывают разными.

Слова прозвучали тихо, и после них дед точно сам понял, что сказал лишнее. Кайн подался вперёд.

- Бывают разными?

- Я не знаю.

- Дед.

- Я не знаю, Кайн!

Старик ударил ладонью по столу. Чашка рядом дрогнула. Кайн замолчал. Дед тяжело дышал. Не от злости. От страха, который слишком долго держали под крышкой.

- Я видел один знак. Один раз. Потом видел твой нож. Потом пытался убедить себя, что это не связано. Что я старый, что память врёт, что война ломает голову. Ты думаешь, я всё это время сидел с тайной книгой и ждал, пока ты придёшь? Я ничего не знал. Я просто боялся.

Эти слова ударили Кайна сильнее, чем он ожидал. Потому что звучали правдой.

Дед не был хранителем всей правды. Не был наставником, который сейчас вытащит схему мира, объяснит стадии, названия, правила и скажет, что делать дальше. Он был стариком, который однажды увидел невозможное и всю жизнь делал вид, что это была война.

- Тогда почему нож был у тебя? - спросил Кайн.

Голос стал тише.

- Если ты боялся - почему не избавился?

Дед снова сел. Сразу стал старше.

- Я пытался.

Кайн замер.

- Что?

- После войны. Не сразу - через несколько месяцев. Когда понял, что не могу спать, если он в доме. Закопал его за сараем.

- И?

- Через неделю нашёл в ящике стола.

Тишина. По спине пробежал холод.

- Ты сам принёс?

- Не помню.

- Это значит да?

- Это значит, что однажды утром я открыл ящик и увидел его там.

Дед смотрел прямо на него. Без попытки смягчить.

- Потом бросал в реку. Через месяц он лежал на чердаке.

Кайн медленно повернул голову к сумке. Нож был внутри. Молчал, и теперь это молчание казалось почти насмешкой.

- Почему ты отдал его мне? - спросил Кайн.

Дед закрыл глаза. Вот теперь в кухне стало по-настоящему тихо.

- Потому что за шестьдесят лет ничего не случилось.

- До меня.

- Да.

Ответ был коротким и честным, и от этого не легче.

- Я думал, старик боится собственной памяти, - сказал дед. - Думал, если он уйдёт из дома, я наконец перестану видеть его в каждом углу. Думал, ты отнесёшь его куда-нибудь, продашь, выбросишь. Думал

Он не договорил. Кайн усмехнулся. Глухо.

- То есть ты просто хотел, чтобы он был не у тебя.

Дед не стал оправдываться.

- Да.

Это «да» было хуже любых объяснений. Кайн смотрел на него и вдруг понял: злость есть, но она пустая. Ему хотелось кричать, ударить по столу, обвинить деда во всём, но это ничего не исправило бы. Потому что дед не передавал ему судьбу. Дед сбрасывал страх. Как человек, который держал раскалённый уголь слишком долго и наконец не выдержал. Только уголь упал в руки Кайна.

Чайник давно кипел. Дед наконец выключил его.

- Сними куртку, - сказал он.

- Зачем?

- Рану посмотрю.

- Она почти закрылась.

Дед застыл с чайником в руке.

- Покажи.

Кайн помедлил, потом поднял край футболки. Старик увидел след под рёбрами и медленно поставил чайник обратно на плиту.

- Господи.

- Я должен был умереть.

- Да.

- Но не умер.

Дед посмотрел на нож в сумке.

- Он не дал.

Кайн резко опустил футболку.

- Не говори так, будто это хорошо.

- Я не говорю.

Несколько секунд они молчали. Потом Кайн тихо произнёс:

- Он говорит со мной.

Дед не удивился. Не так, как должен был. Он просто сел обратно, медленно, точно колени внезапно перестали держать.

- Что говорит?

- Что я выжил. Что я хотел уйти. Что я держал нож.

Кайн сглотнул.

- Он не врёт - в этом самое мерзкое. Он выбирает такие слова, против которых трудно спорить.

Дед смотрел на него с болью.

- Кайн

- И я сегодня использовал что-то.

- Что?

- Не знаю. Сказал слова. «Танец тени». И оказался в другом месте. Несколько раз. Через тени.

Дед побледнел сильнее.

- Ты откуда знал эти слова?

Кайн посмотрел на него.

- Вот именно.

Тишина. Где-то за окном проехала машина. Свет фар скользнул по стене и исчез.

Дед поднялся и подошёл к старому шкафу у стены. Долго копался внутри, пока не вытащил небольшую сумку - потрёпанную, спортивную, с выцветшей надписью. Положил на стол.

- Здесь деньги. Немного. Документы старые, мои, тебе не помогут. Еда. Аптечка. Возьми.

Кайн смотрел на сумку.

- Ты меня выгоняешь?

- Я пытаюсь сделать так, чтобы ты не умер у меня на кухне.

- Я пришёл за ответами.

- Я дал всё, что знаю.

- Этого мало.

- Знаю.

Слово было почти шёпотом. Внутри что-то оборвалось. Он пришёл сюда, потому что дед был последним взрослым человеком в мире: тем, кто мог сказать «Я знаю, что делать», и тем, кто был связан с ножом до него. Но дед не знал. Дед тоже боялся, и теперь этот страх стоял между ними на кухне, старый и новый одновременно.

- Тогда кто знает? - спросил Кайн.

Дед посмотрел на окно.

- Те люди с войны.

- Они живы?

- Не знаю.

- Как их найти?

- Не знаю.

Кайн резко встал. Стул скрипнул по полу.

- Да что ты вообще знаешь?!

Дед не ответил сразу. Потом тихо сказал:

- Что если они найдут тебя первыми, беги не от них.

Кайн замер.

- Что?

- Беги от себя.

Фраза прозвучала глупо - почти банально, и всё равно попала слишком глубоко. Метка на руке коротко пульснула. Кайн посмотрел вниз. Дед заметил.

- Он сейчас говорит?

- Нет.

Ложь. Потому что голос не говорил словами, но присутствовал: тихий, внимательный - как зверь за дверью.

И в этот момент в прихожей раздался звонок.

Оба замерли. Звук был обычный - домашний, короткий. Но нож в сумке стал тяжелее. Дед медленно повернул голову к двери. Звонок повторился. На этот раз дольше.

- Ты ждал кого-то? - спросил Кайн.

- Нет.

Снаружи постучали три раза - ровно, спокойно, слишком спокойно.

- Откройте, пожалуйста, - произнёс мужской голос за дверью. - Полиция.

Кайн не дышал. Дед посмотрел на него. Старый страх в его глазах вдруг стал новым. Живым. Кайн медленно взял сумку со стола. Внутри, под тканью, нож точно ждал. Снаружи снова постучали.

- Нам нужно поговорить с вашим внуком.

Дед подошёл к двери, но не открыл сразу. Сначала заглянул в маленький глазок и замер.

- Дед? - прошептал Кайн.

Старик не ответил сразу. Снаружи мужской голос произнёс спокойнее:

- Ваш внук попал на камеры недалеко от общежития. Нам известно, что это единственный адрес родственника, к которому он мог прийти. Откройте дверь.

Внутри всё оборвалось. Камеры, общежитие, дед - значит, они правда вышли на него. Полиция.

Дед медленно отступил от двери. Лицо стало жёстким. Очень тихо, почти одними губами, он сказал:

- Не похожи они на обычных участковых.

Кайн сглотнул.

- Но они полиция?

Дед посмотрел на дверь. Потом на него.

- Сейчас это неважно. Они пришли за тобой.

За дверью стояли двое. Высокий мужчина в тёмном пальто и светловолосый парень в белом.

Глава 8 - Цепь на руке

Дед не открыл дверь сразу, и этим спас Кайну несколько секунд. Всего несколько, но за последние сутки Кайн успел понять: иногда между жизнью и смертью помещается не героизм, не план и не чудо. Только несколько секунд.

- Через кухню, - прошептал дед.

Кайн стоял посреди коридора, сжимая ремень сумки так, что пальцы болели.

- Дед

- Через кухню.

Голос старика был низким и жёстким - не таким, как раньше: не ворчливым, не усталым, не домашним. Таким голосом, наверное, говорят люди, которые однажды уже слышали крики на поле боя и теперь узнают их эхо за закрытой дверью. Снаружи постучали снова.

- Откройте дверь. Нам нужно только поговорить.

Только поговорить.

Кайн почти усмехнулся. За последние сутки все, кто «только» что-то хотели, в итоге приносили кровь. Дед схватил его за плечо сильнее, чем Кайн ожидал от старого человека.

- Слушай меня. Ты сейчас уйдёшь через задний двор. Не побежишь по улице. Не полезешь к соседям. Там старая калитка за сараем, помнишь?

Кайн кивнул.

- За ней переулок. Иди туда.

- А ты?

- Я старик, который плохо слышит и долго открывает дверь.

- Это полиция, - прошептал Кайн. - Они вышли на меня.

- Возможно.

- Что значит «возможно»?

Дед посмотрел в сторону прихожей. Метка на руке Кайна глухо пульсировала под рукавом. Не больно - предупреждающе. Точно внутри кожи кто-то постукивал пальцем: быстрее.

- Я не знаю, кто они, - тихо сказал дед. - Но они не похожи на людей, которые просто хотят задать вопросы.

- Тогда, может, надо поговорить? Если они нашли камеры, если они знают про общагу

Старик посмотрел на него так резко, что Кайн замолчал.

- Ты сейчас можешь отличить того, кто пришёл помочь, от того, кто пришёл забрать нож?

Кайн не ответил. Снаружи голос стал чуть громче:

- Мы знаем, что Кайн здесь.

Внутри дома стало холоднее. Не из-за воздуха - из-за того, как спокойно это прозвучало. Дед отпустил его плечо.

- Иди.

Кайн хотел сказать ещё что-то. Извиниться. Обвинить. Попросить пойти с ним. Попросить, чтобы дед хоть раз сказал, что всё будет нормально, но дед уже отвернулся к двери, и до Кайна дошло: нормального больше не будет.

Он рванул на кухню настолько тихо, насколько мог, хотя половицы всё равно предательски скрипели. Сумка била по бедру. Внутри лежал нож, и его вес ощущался тяжелее, чем деньги, еда и вся эта проклятая ночь вместе взятые.

Кайн открыл заднюю дверь. Холодный воздух ударил в лицо. За спиной дед наконец щёлкнул замком.

- Иду, иду, - проворчал он громко, почти натурально. - Уже в моём возрасте и умереть спокойно не дадут.

Кайн на секунду остановился. Дверь в прихожей открылась. Мужской голос произнёс:

- Доброе утро.

Голос был спокойным, тяжёлым - слишком ровным для человека, который пришёл задерживать подозреваемого студента, и всё же Кайн не мог доказать себе, что это не полиция. Кайн вышел во двор. Старая доска под ногой треснула. Он застыл. В доме повисла пауза. Потом дед резко кашлянул.

- Чай будете? Раз уж пришли пугать стариков с утра.

Кайн не услышал ответа. Он уже бежал к сараю. Двор был маленький, мокрый после ночи: ржавая бочка, старые доски, кусты у забора, низкая калитка, которую дед никогда не ремонтировал, потому что «и так держится». Кайн перелез через неё, зацепился рукавом, едва не упал, выругался сквозь зубы и оказался в узком переулке между участками.

Дальше.

Голос появился сразу. Негромко. Точно всё это время ждал за поворотом. Кайн сжал зубы.

- Заткнись.

Они тебя найдут.

- Кто они?

Ответа не было. Конечно. Голос в голове любил давать решения, но не ответы.

Кайн двинулся по переулку: сначала быстро, почти бегом, потом снова замедлился, потому что рана под рёбрами начала тянуть, а «Танец тени» оставил в теле пустоту, как после тяжёлой болезни. Он свернул за угол, пересёк ещё один двор, потом улицу и добрался до старой автобусной остановки - пустой и мокрой. Там Кайн остановился под навесом, согнулся, уперевшись руками в колени.

Дышать было больно. Жить тоже.

Телефон завибрировал. Он достал его, хотя уже знал, что не должен. Сообщение от Макса.

Макс: Кайн, пожалуйста, ответь.

Макс: я видел новости.

Макс: к тебе снова приходили?

Макс: где ты?

Кайн смотрел на экран. Пальцы зависли над клавиатурой. Можно было написать: «У деда». «Я не знаю, что делать». «Макс, если я приду - не открывай мне». Он набрал:

Кайн: не ищи меня

Стер. Набрал снова:

Кайн: я опасен

Стер. Потом просто выключил телефон. Экран погас, и вместе с ним точно погас последний слабый мост к нормальной жизни.

- Вот и всё, - прошептал Кайн.

Нет.

Голос был рядом.

Не всё.

Кайн медленно поднял голову.

- Ты доволен?

Я жив.

- Я спросил, доволен ли ты.

Ты тоже жив.

Кайн коротко рассмеялся - сухо, нервно.

- Это теперь один и тот же ответ?

Тишина.

Почти.

Кайн ударил кулаком по металлической стойке остановки. Боль разошлась по руке, но была слабой, недостаточной. Он хотел, чтобы болело сильнее, чтобы хоть что-то было его.

- Ты убил человека.

Ты держал нож.

- Я не контролировал тело.

Ты не отпустил сумку.

Кайн замолчал. Потому что ответить было нечем. Это и было самое страшное в голосе: он не спорил как демон из плохого фильма, не обещал силу за душу, не смеялся и не угрожал. Он просто брал самую неудобную часть правды и клал её перед Кайном. Как чистое лезвие на стол.

Кайн закрыл глаза.

- Я не хочу никого убивать.

Тогда не подходи к людям.

Он открыл глаза. Фраза прозвучала слишком разумно. Слишком правильно, и от этого стала ловушкой.

- Ты хочешь, чтобы я остался один.

Я хочу, чтобы ты выжил.

- Врёшь.

Не всегда.

Пауза растянулась.

Не в этом.

В груди поднималась холодная злость, а под ней лежала усталость. Он устал спорить. Устал бояться каждого шороха. Устал думать о Максе, Лене, деде, полиции, людях за дверью, видео, крови, чистом лезвии и, хуже всего, о том, что он устал не от голоса. От себя.

Потому что голос был прав в одном. Если он вернётся к людям, кто-то снова пострадает. Не обязательно сразу, но рано или поздно.

Кайн поднял сумку.

- Тогда я уйду туда, где людей нет.

Хорошо.

Слово было почти мягким. Кайн вздрогнул.

- Не говори так, будто это твоя идея.

Но ноги уже двигались. Сначала он шёл без направления. Потом понял, что направление есть. Не карта, не адрес и не мысль - ощущение. Город редел. Нормальные улицы переходили в промзону: старые склады, бетонные заборы, ржавые ворота, вывески фирм, которые давно закрылись. Здесь пахло мокрым металлом и грязной водой. Машин почти не было, людей - тоже.

Кайн шёл, пока не увидел завод - огромный, мёртвый, с выбитыми окнами и чёрными провалами дверей.

За забором торчали ржавые балки, как кости. На воротах висела табличка «Опасная зона», но половины букв уже не было. Идеальное место, чтобы исчезнуть. Кайн остановился у пролома в заборе.

- Ты привёл меня сюда?

Ты сам пришёл.

- Конечно.

Он пролез внутрь. Под ногами хрустнуло стекло. Звук разлетелся по пустому двору слишком громко. Кайн замер, прислушался. Вокруг были только ветер, капли, падающие с крыши, и далёкий гул города, который уже не казался его городом.

Внутри цеха было холоднее. Высокие стены, ржавые фермы под потолком, разбитые окна, бетонный пол с пятнами старого масла. На одной стене кто-то давно нарисовал граффити, но краска облупилась, и теперь рисунок выглядел как лицо без глаз.

Кайн прошёл глубже. Каждый шаг отдавался эхом, и чем дальше он уходил от входа, тем легче становилось дышать: людей рядом не было. Если он сорвётся, рядом не окажется Макса. Не окажется Лены. Не окажется деда. Только бетон, ржавчина и он.

Кайн остановился у толстой трубы, уходящей вдоль стены. Рядом валялись обрывки старой цепи, куски арматуры, замок без ключа, покрытый рыжей коркой. Он посмотрел на цепь. Потом на свою правую руку. Метка почти погасла, но в её линиях всё ещё тлела жизнь. Кайн медленно усмехнулся.

- Ну что. Дожили.

Голос молчал, и это молчание было почти согласиём.

Кайн поднял цепь. Тяжёлая, грязная, настоящая. Не магия, не голос и не чужая воля - просто металл, который можно обмотать вокруг руки и трубы.

Он сел на пол, прислонился спиной к стене и начал наматывать цепь на левое запястье. Не на правое. Правая держала нож.

До него дошло не сразу.

Потом он замер. Нож уже был у него в руке. Не в сумке. В руке. Кайн уставился на него.

- Когда?..

Тишина.

Он не помнил, как достал его. Не помнил движения. Не помнил решения. Просто нож оказался в ладони, точно так и должно быть. Кайн медленно попытался положить его на пол. Рука не двинулась. Он напрягся сильнее. Пальцы побелели от усилия. Нож оставался в ладони.

- Отпусти.

Нет.

Первое прямое «нет» - не совет, не факт, а запрет.

По спине прошёл холод.

- Это моя рука.

Пока.

Он резко ударил рукоятью ножа о бетон, пытаясь выбить его из пальцев. Боль прошла по кисти. Нож не выпал. Ещё удар. Ещё. На третьем пальцы наконец разжались, и лезвие с глухим звоном упало на пол.

Кайн отшатнулся от него так резко, точно перед ним лежала змея. Несколько секунд ничего не происходило. Нож лежал неподвижно. Чистый, тусклый, обычный. Кайн медленно выдохнул.

Потом нож чуть сдвинулся - на сантиметр, к нему.

Кайн застыл.

- Нет.

Лезвие больше не двигалось. Может, пол был неровный, может, вибрация, а может, он сходил с ума. Кайн потянулся к цепи, не сводя глаз с ножа.

- Ладно.

Голос сорвался.

- Ладно, хочешь рядом - будь рядом. Но не во мне.

Слабая ложь.

После этого голос не ответил.

Кайн обмотал цепь вокруг левого запястья, потом вокруг трубы. Металл впился в кожу. Он нашёл старый замок, несколько раз ударил по нему куском арматуры, пока механизм не щёлкнул. Ключа не было. Отлично.

Щёлк.

Звук замка показался почти приятным, понятным. Кайн дёрнул рукой. Цепь выдержала. Ещё раз. Боль пошла по запястью. Цепь снова выдержала. Он закрыл глаза и впервые за много часов позволил себе выдохнуть до конца.

- Вот так, - прошептал он. - Если я снова потеряю контроль, далеко не уйду.

Ты думаешь, металл остановит голод?

Кайн открыл глаза.

- Нет.

Он выждал секунду.

- Но, может, остановит меня.

Голос молчал. Кайн прислонился головой к холодной трубе. Тело наконец начало понимать, что его бросили. Боль вернулась сразу несколькими слоями: бок, рука, мышцы после «Танца тени», запястье под цепью, сухое горло, тяжёлая голова.

Он хотел спать, но боялся. Если заснёт - кто проснётся?

Он посмотрел на нож. Лезвие лежало в полуметре от него - достаточно близко, чтобы дотянуться, и слишком близко, чтобы стало спокойно. Кайн подвинул его ногой дальше. Нож скользнул по бетону.

Нож остановился. Через секунду рука с меткой заныла.

- Даже не думай, - сказал Кайн.

Боль усилилась. Он выругался. Подтянул нож обратно ногой. Боль стихла. Кайн тихо рассмеялся - хрипло, почти безумно.

- Значит, вот так теперь всё будет?

Пока.

- Ненавижу тебя.

Нет.

Кайн замолчал. Голос был спокойным, уверенным.

Ты боишься, что однажды перестанешь.

Эти слова оказались хуже боли. Кайн отвернулся. Он хотел сказать «нет». Не сказал. Потому что где-то глубоко внутри всё ещё помнил тот момент у бара. Не сам удар, не кровь и не лицо человека, а секунду до последнего движения.

Когда страх исчез. Когда всё стало простым. Когда тело знало, что делать, и это было страшно. Потому что в той простоте было облегчение.

Кайн сжал цепь свободной рукой. Металл впился в ладонь.

- Я не буду таким.

Голос не ответил.

В цехе стало тихо. Ветер тянул через разбитые окна. Где-то капала вода. Далеко проехал поезд или грузовик - низкий гул прокатился по полу и исчез. Кайн сидел, прикованный к трубе, рядом с ножом, который не мог выбросить, и впервые за всю ночь у него появилась цель, настолько простая, что от неё хотелось плакать.

Не убить никого до утра.

Он повторил это про себя.

Не убить никого до утра.

Не убить никого до утра.

Не убить.

Не убить.

Глаза закрывались. Он пытался сопротивляться, но тело больше не слушалось. Сон подступал грязной тёмной волной. Кайн дёрнул цепь ещё раз, проверяя.

Держит.

Хорошо.

Он позволил себе опустить голову. Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в сон, был не голос в голове.

Шаги.

Далеко. На самом краю цеха.

Кайн резко открыл глаза. Он не знал, сколько прошло времени - секунда, час или вся жизнь. Вход в цех был тёмным провалом.

Сначала он ничего не увидел. Потом из темноты вышел светловолосый парень в белой одежде. Тот самый, что стоял у двери деда. Он остановился, оглядел цепь на руке Кайна, трубу, нож на полу и усмехнулся.

- Серьёзно?

Его голос разнёсся по пустому цеху легко и насмешливо.

- Ты сам себя привязал?

Следом вошёл мужчина в тёмном пальто - высокий, спокойный, с тяжёлым взглядом. Он посмотрел не на нож, а сначала на цепь, потом на лицо Кайна и тихо произнёс:

- Значит, ещё не всё потеряно.

Глава 9 - Парень в белом

Кайн дёрнул цепь. Звук вышел жалким. Металл звякнул о трубу, натянулся и остановил руку на половине движения. Запястье сразу вспыхнуло болью. Кайн стиснул зубы, но второй раз не дёрнул. Не потому что успокоился - просто понял: бесполезно.

Светловолосый парень стоял в нескольких метрах и смотрел на него с таким выражением, точно нашёл не человека, а странную уличную собаку, которая сама привязала себя к столбу. Белая одежда в грязном цехе выглядела почти издевательством.

На нём была белая куртка, светлые штаны, даже ботинки - светлые, хотя подошвы уже успели испачкаться ржавой пылью. Он был молодым. Не старше Кайна. Может, ровесник. Ростом чуть выше, худощавый, с бледным лицом и светлыми волосами, падающими на глаза. Кайн запомнил бы его даже без ножа. В таком месте белое не носили случайно.

Мужчина в тёмном пальто остановился позади него. Совсем другая фигура - высокий, тяжёлый, спокойный. Он не суетился и не оглядывался по сторонам так, как обычный человек оглядывался бы в заброшенном цеху.

Казалось, он уже всё видел, оценил и решил, где опасность, где выход, где кровь, где Кайн. Этот пугал сильнее. Не потому что выглядел злее, а потому что не выглядел злым вообще.

- Не подходите, - сказал Кайн.

Голос сорвался на первом слове. Он хотел звучать твёрдо. Получилось хрипло. Парень в белом усмехнулся.

- Ты прикован к трубе.

- Я предупредил.

- Очень грозно.

Кайн потянулся свободной рукой к ножу. Лезвие лежало рядом, на расстоянии вытянутой руки: достаточно близко, чтобы дотянуться, и слишком близко, чтобы это было случайностью. Парень заметил движение.

- Вот только не надо за него хвататься.

- Тогда отойдите.

- А ты прикажешь?

В его голосе не было открытой ярости. Больше похоже на азарт. Как у человека, который увидел начало драки раньше остальных и уже решил, что скучно не будет. Мужчина в пальто сказал:

- Орм.

Одно слово - негромкое, но парень сразу чуть повернул голову. Кайн запомнил имя. Орм. Звучало коротко, резко, как щелчок зубов.

- Что? - спросил Орм, не отводя взгляда от Кайна. - Я же ничего не делаю.

- Именно поэтому продолжай.

Орм фыркнул.

- Скучно.

Кайн перевёл взгляд на мужчину.

- Вы полиция?

Тишина. Орм хмыкнул так, точно вопрос показался ему смешным. Мужчина в пальто не улыбнулся.

- Нет.

Желудок провалился вниз.

- Тогда кто вы?

- Те, кто пришёл раньше полиции.

- Это не ответ.

- Пока другого не будет.

Кайн дёрнул цепь снова, скорее от злости, чем по делу.

- Вы следили за мной?

- Да.

Прямой ответ выбил его сильнее, чем попытка уйти от вопроса.

- С каких пор?

Мужчина посмотрел на нож. Не с жадностью - с осторожностью.

- С тех пор, как город начал шуметь там, где не должен.

- Из-за убийства?

- Из-за того, что после убийства видео исчезло быстрее, чем его успели скачать обычные люди.

Кайн замер. Видео. Удалено пользователем или недоступно.

- Это вы удалили?

Мужчина ничего не ответил. Этого хватило. Холод прошёл по спине.

- Зачем?

- Чтобы завтра у твоего общежития не стояла толпа с телефонами.

- Вы помогаете мне?

Орм рассмеялся коротко и неприятно.

- Он серьёзно?

Мужчина не посмотрел на него.

- Мы не помогаем тебе.

Он выдержал короткую паузу.

- Мы ограничиваем ущерб.

Слова легли тяжело. Как замок на цепи. Кайн медленно сглотнул.

- Я не хотел его убивать.

Орм наклонил голову.

- Кого из них?

Кайн застыл.

- Что?

Мужчина в пальто чуть нахмурился.

- Орм.

- А что? - Парень в белом сделал вид, что удивился. - Он думает, мы пришли из-за одного трупа?

Кайн перестал дышать.

Одного.

Слово повисло в цехе, как запах крови.

- Нет, - тихо сказал он.

Орм медленно улыбнулся.

- О. Он не помнит.

Мир вокруг Кайна сжался. Цех, труба, цепь, нож и двое напротив - всё стало слишком чётким и слишком далёким одновременно.

- Что ты сказал?

- Ничего.

- Что значит «одного»?

Орм сделал шаг вперёд. Кайн потянулся к ножу, но цепь ограничила движение. Пальцы только коснулись рукояти. Голос внутри молчал. От этого было хуже. Орм посмотрел на его руку.

- Ты правда не понимаешь, что происходит, да?

Кайн сжал зубы.

- Я понимаю, что ты сейчас очень хочешь получить по лицу.

Орм остановился. На секунду в его глазах мелькнул интерес.

- А вот это уже лучше.

- Орм, - повторил мужчина.

На этот раз жёстче. Парень в белом поднял руки, точно сдаётся.

- Всё, молчу.

Не замолчал.

- Просто странно видеть носителя, который сам себя привязал. Обычно они сначала режут всех вокруг, а уже потом начинают искать оправдания.

Носитель. Кайн вспомнил кухню деда. Слово, которое само сорвалось с языка.

- Носителя чего?

Орм посмотрел на мужчину в пальто.

- Можно я?

- Нет.

- Ты даже не знаешь, что я хотел сказать.

- Знаю.

Орм цокнул языком. Кайн перевёл взгляд с одного на другого.

- Хватит говорить так, будто меня здесь нет.

Мужчина в пальто наконец сделал шаг вперёд. Не резко. Но Кайн сразу напрягся.

Опасность.

Голос внутри произнёс это спокойно. Кайн едва заметно вздрогнул.

- Меня зовут Булат, - сказал мужчина.

Кайн молчал. Имя не сделало его безопаснее. Скорее наоборот. Теперь у угрозы появилась форма.

- Он Орм, - продолжил Булат. - И прежде чем ты спросишь: нет, мы не полицейские. Нет, мы не пришли тебя убивать. Пока.

- Очень успокаивает.

- Я не успокаивать пришёл.

Кайн усмехнулся. Получилось криво.

- Тогда зачем?

Булат посмотрел на цепь.

- Понять, остался ли там человек.

Кайн не сразу ответил. Потом тихо спросил:

- И как?

Булат поднял взгляд.

- Ты сам себя приковал.

- Может, я просто псих.

- Одно другому не мешает.

Орм тихо фыркнул. Кайн вдруг почти рассмеялся. Почти, но смех застрял в горле, потому что до него дошло: Булат не шутит. Для него цепь действительно что-то значила. Не спасение и не оправдание, но признак - маленький и слабый. Кайн ещё пытался себя остановить.

- Я убил человека, - сказал Кайн.

Голос прозвучал глухо. В цехе стало тише.

- Я знаю, - ответил Булат.

- Я не помню всё.

- Это хуже.

- Спасибо.

- Но не редкость.

Кайн медленно поднял глаза.

- Значит, такие как я бывают.

Булат не ответил сразу, и это было ответом. Орм вдруг потерял остатки веселья.

- Такие, как ты, долго не живут.

- Орм.

- Да пусть знает.

Парень в белом сделал ещё шаг. Теперь он был ближе. Достаточно, чтобы Кайн увидел тонкую серебристую цепочку, обмотанную вокруг его запястья под рукавом. Сначала она показалась украшением, но потом одно звено дрогнуло само. Кайн напрягся.

- У тебя тоже

- Да.

Орм поднял руку. Из-под белого рукава медленно выскользнула цепь. Не та, что носят на шее. Тонкая, металлическая, с тёмным блеском. Она скользнула по его ладони, опустилась вниз и зависла, не касаясь пола. На конце был короткий изогнутый клинок - узкий и злой, похожий на клык. У Кайна заныла метка. Нож рядом точно стал тяжелее.

- Настоящее оружие не лежит в сумке, - сказал Орм. - Оно отвечает.

- Моё тоже отвечает, - выдохнул Кайн.

- Тогда почему ты на цепи, а не оно?

Удар был точный. Кайн сжал пальцы на рукояти ножа. На этот раз рука достала. Лезвие легло в ладонь, и боль в метке сразу стала тише. Слишком приятно. Кайн ненавидел это чувство. Орм увидел.

- Вот.

Он улыбнулся.

- Уже лучше.

Булат повернул голову.

- Орм. Не провоцируй.

- Я проверяю.

- Я сказал - не провоцируй.

Орм посмотрел на него через плечо.

- А если он сорвётся позже? Возле людей? Возле твоего «ограничения ущерба»? Может, лучше узнать сейчас, что он из себя представляет.

Булат молчал. Кайн услышал в этом молчании плохое. Очень плохое.

- Нет, - сказал он.

Орм повернулся к нему.

- Что нет?

- Я не буду с тобой драться.

- Ты прикован. Выбор не огромный.

- Тогда отойди.

- Или?

Кайн не ответил. Не потому что нечего сказать, а потому что голос внутри вдруг стал внимательнее. Не сказал ни слова. Просто приблизился. Как зверь, который учуял открытую дверь. Орм поднял цепь. Клинок на конце описал ленивую дугу в воздухе.

- Смотри. Всё просто. Я атакую. Ты защищаешься. Если внутри тебя ещё студент - ты упадёшь. Если внутри тебя уже носитель - он ответит.

- А если я не хочу отвечать?

Орм улыбнулся шире.

- Тогда умрёшь.

Кайн посмотрел на Булата.

- Ты ему позволишь?

Булат стоял неподвижно. Лицо тяжёлое.

- Я остановлю его, если он зайдёт слишком далеко.

- А где «слишком далеко»?

Булат не ответил. Вот и ответ: он уже не человек, которому объясняют права. Он объект проверки. Опасная вещь. Носитель.

Орм ударил без предупреждения. Цепь свистнула. Кайн успел только поднять нож. Металл встретился с металлом. Искры вспыхнули в полумраке. Удар был не смертельным - проверочным, но силы хватило, чтобы рука Кайна онемела до плеча. Цепь на левом запястье натянулась и врезалась в кожу. Он зашипел от боли. Орм даже не сдвинулся с места.

- Медленно.

Второй удар пошёл ниже. Кайн дёрнулся в сторону, но цепь на руке остановила его. Клинок Орма рассёк воздух рядом с бедром и врезался в бетон. Крошка ударила по лицу. Кайн выругался.

- Сними цепь!

- Сам надел, - сказал Орм.

- Я не для тебя!

- Мне всё равно.

Третий удар. Кайн не успел бы, но тело среагировало раньше мысли. Он резко наклонился, пропуская клинок над плечом. Волосы шевельнуло от движения воздуха. Нож в правой руке сам пошёл вперёд - коротко, по прямой. Орм легко отступил, но его взгляд изменился.

- Видишь? - сказал он. - Он уже учит тебя.

- Заткнись.

- Не я.

Орм кивнул на нож.

- Он.

Кайн посмотрел на лезвие в своей руке. Голос молчал, но рука помнила движение - слишком чистое, слишком правильное. Орм ударил снова. На этот раз быстрее. Цепь метнулась сбоку. Кайн попытался уйти, но левое запястье дёрнуло назад. Клинок полоснул по плечу. Боль вспыхнула горячей линией. Кровь потекла под ткань. Кайн скрипнул зубами. Орм сделал шаг ближе.

- Ты всё ещё пытаешься двигаться как человек.

Кайн тяжело дышал.

- Извини, родился так.

- Это лечится.

Цепь хлестнула снова. Кайн поднял нож, принял удар на лезвие и едва удержался. Металл звенел так, точно звук проходил через кости. Запястье болело. Плечо горело. Рана под рёбрами снова напомнила о себе. Булат наблюдал. Не вмешивался. Это бесило почти так же, как Орм.

- Вы все так людей проверяете? - выдохнул Кайн. - Сначала довести до смерти, потом посмотреть, что вылезет?

Орм усмехнулся.

- Людей? Нет.

Он выдержал короткую паузу.

- Носителей - да.

Следующий удар был другим.

Слишком поздно.

Цепь не пошла прямо. Она ударила в пол, отскочила от бетона и обвилась вокруг его правой руки. Вокруг руки с ножом. Металл сжался. Кайн вскрикнул. Цепь Орма была холодной только секунду, а потом стала тёплой. Слишком тёплой. По звеньям пробежали тонкие красные линии.

Кровь.

Кайн сначала подумал, что это его кровь течёт по цепи. Потом стало ясно: нет. Она двигалась внутри, как по венам. Орм медленно потянул.

Боль стала глубже. Не просто давление металла. Что-то вытягивало кровь из пореза на плече, из ладони, из запястья под цепью. Капли не падали вниз. Они тянулись к звеньям тонкими нитями. Кайн побледнел.

- Что

- Моё оружие тоже отвечает, - сказал Орм.

Его голос стал тише. Серьёзнее.

- Только в отличие от твоего, я хотя бы знаю, сколько плачу.

Булат сделал шаг.

- Хватит.

Орм не отпустил.

- Он ещё даже не начал.

- Я сказал, хватит.

Кайн почти не слышал их. Он смотрел на кровь, ползущую по чужой цепи, и чувствовал, как внутри поднимается паника. Не страх смерти - страх потери. Кровь уходила, вместе с ней уходила сила, тело слабело, а голос внутри наконец произнёс: «Разрежь.»

Кайн сжал нож.

- Не могу.

«Можешь.»

- Рука

«Не руку.»

До него дошло слишком поздно. Нож пошёл вниз. Не по цепи. По собственной коже. Кайн резко остановил движение в последний миг. Лезвие коснулось предплечья, оставив тонкую красную линию. Орм заметил и впервые перестал улыбаться.

- О.

Кайн смотрел на порез. Маленький, почти ничего, но нож точно стал легче. Метка вспыхнула слабым алым светом. Голос произнёс: «Больше.»

Кайна замутило.

- Нет.

«Больше - и освободишься.»

- Нет!

Он рванул руку сам - грубо, не техникой и не силой оружия, а простым отчаянием. Цепь Орма соскользнула с запястья, содрав кожу. Кайн упал на бок, прикованный левым запястьем к трубе. Нож остался в правой руке. Он тяжело дышал. Перед глазами плавали тёмные пятна. Орм смотрел на него внимательно, уже без насмешки.

- Он учит тебя платить кровью.

Кайн поднял взгляд.

- Я сказал, заткнись.

- Ты не мне говоришь.

В наступившей тишине Кайн замер. Потому что Орм попал. Слишком точно. Он говорил не с парнем в белом. Он говорил с тем, что сидело в ноже. Булат наконец подошёл ближе.

- Проверка закончена.

Орм резко повернул голову.

- Нет.

- Да.

- Он нестабилен.

- Именно.

- Тогда надо забрать оружие.

Кайн инстинктивно прижал нож к себе. Орм увидел.

- Смотри. Он уже не отдаст.

- Я слышу, - сказал Кайн.

- И что?

- Я не вещь.

Орм посмотрел ему прямо в глаза.

- Пока нет.

Эти слова ударили хуже цепи. Кайн попытался подняться, но левая рука была прикована, правая дрожала, в теле не осталось сил. Он был грязный, окровавленный, полусидящий у трубы, с ножом в руке и цепью на запястье, и всё равно Орм смотрел так, точно опасность ещё только начинается. Булат остановился между ними.

- Кайн.

Кайн не ответил.

- Послушай меня внимательно. Полиция тебя не удержит. Больница тебя не удержит. Камера тебя не удержит. Если ты сейчас останешься один, к утру будет ещё несколько трупов.

Кайн медленно поднял глаза.

- Это угроза?

- Диагноз.

Орм тихо усмехнулся.

- Мягко сказал.

Булат не обратил внимания.

- У тебя два варианта. Пойти с нами добровольно.

- Или?

- Или мы сделаем так, чтобы ты всё равно пошёл.

Кайн посмотрел на нож. Голос молчал слишком долго, точно ждал его решения.

- Кто вы такие? - спросил он.

Булат ответил не сразу. Потом сказал:

- Люди, которые занимаются такими, как ты.

- Такими, как я.

Кайн повторил тихо. Слова прозвучали почти смешно. Студент, друг Макса, человек, которому Лена покупала кофе. Убийца. Носитель. Такими, как я. Он закрыл глаза.

- Я не пойду.

Орм вздохнул.

- Ну наконец-то.

Цепь в его руке дрогнула. Булат резко повернулся.

- Орм.

- Что? Он отказался.

- Я слышал.

- Тогда не мешай.

Кайн сжал нож. Метка на руке вспыхнула. Не сильно, но достаточно, чтобы боль стала ясной. Голос внутри наконец вернулся.

«Если хочешь выжить»

Кайн застыл. Орм уже поднимал цепь. Булат что-то говорил ему, но Кайн почти не слышал. Мир сузился до белой фигуры впереди, крови на цепи, собственного дыхания и ножа, который снова лёг в ладонь так, точно был частью кисти.

Голос произнёс спокойно:

«Тогда перестань считать себя человеком во время боя.»

Глава 10 - Не человек

Фраза не прозвучала как приказ. Именно это испугало сильнее. Приказу можно сопротивляться. Его можно ненавидеть, игнорировать, ломать себя наперекор, но голос внутри сказал это так, точно объяснял очевидное правило, которое Кайн просто слишком долго отказывался принять.

«Перестань считать себя человеком во время боя.»

Кайн тяжело дышал. Левая рука всё ещё была прикована к трубе. Правое плечо горело после пореза. Кровь стекала по пальцам, собиралась на рукояти ножа и исчезала где-то между кожей и металлом так быстро, что Кайн не был уверен, видит ли это по-настоящему.

Орм стоял напротив. Белая одежда уже не выглядела чистой. На рукаве тянулась тёмная полоса от крови. Несколько брызг испачкали ворот, и всё же он улыбался - не весело, а ожидающе.

- Ну? - сказал Орм. - Ты же отказался идти. Значит, давай посмотрим, что выберет твоё оружие.

- Орм, - произнёс Булат.

На этот раз в его голосе не было предупреждения. Было решение. Но Орм уже двинулся. Цепь сорвалась с его руки тонкой металлической дугой. Кровавые линии внутри звеньев вспыхнули ярче, и воздух перед Кайном точно разрезало.

Раньше он попытался бы уклониться: дёрнул бы левую руку, забыл бы про цепь на запястье, потерял равновесие и снова упал бы на бетон. Теперь он не двинулся. Не потому что успел подумать - мысль просто опоздала.

Клинок Орма летел к лицу. Кайн видел его траекторию: не прямую, а чуть снизу, с коротким рывком в конце. Видел движение плеча Орма. Видел, как тот держит дистанцию, чтобы самому не войти в зону ножа.

Слишком далеко.

Голос внутри был спокоен.

«Пусти ближе.»

Кайн не хотел. Тело послушалось. Он остался на месте до последней секунды. Клинок прошёл рядом с щекой и рассёк кожу тонкой горячей линией. Боль вспыхнула, но Кайн не отшатнулся.

Он шагнул вперёд настолько, насколько позволяла цепь на левой руке, и ударил не по Орму. По его цепи. Не силой, а углом. Нож скользнул вдоль звеньев, высекая искры, и сбил направление удара вниз.

Цепь Орма врезалась в бетон, застряла на долю секунды. Этой доли хватило. Кайн резко дёрнул левую руку на себя. Своя цепь, та самая, которой он приковал себя к трубе, натянулась и ударила по полу. Звенья хлестнули неуклюже, грязно, почти случайно.

Но Орм был слишком близко. Цепь Кайна ударила его по голени - не сильно, но достаточно, чтобы сбить шаг. Орм впервые не успел улыбнуться. Нож Кайна прошёл рядом с его рукой и распорол белую ткань от запястья до локтя. Кровь выступила тонкой линией.

На секунду стало тихо.

Орм отскочил назад. Посмотрел на рану. Потом на Кайна.

- Вот так, значит.

Кайн сам смотрел на свою левую руку. На цепь. На трубу. Он не планировал этого. Он просто перестал пытаться двигаться «правильно». Перестал думать, как человек, у которого есть две свободные руки, дистанция, правила, надежда не покалечить противника.

Он был прикован. Значит, цепь была не ограничением, а частью тела.

От этой мысли стало тошно и в то же время - легче.

- Умнеет, - сказал Орм.

Голос звучал уже тише, без насмешки. Булат внимательно смотрел на Кайна.

- Кайн, остановись.

Кайн резко перевёл на него взгляд.

- Серьёзно?

Слова вышли хрипло.

- Сейчас?

Булат не ответил. Потому что ответ был очевиден: да, сейчас. Когда проверка начала давать результат. Когда стало видно, что внутри Кайна есть не только страх.

Но Орм не собирался останавливаться. Красные нити на его цепи вспыхнули ярче. Кровь из его пореза потянулась по коже, поднялась тонкими линиями и впилалась в звенья. Металл дрогнул, точно в нём забилося сердце.

Это ударило по всему телу.

Сила.

«Покупает силу кровью.»

Голос не объяснял. Показывал.

Кайн увидел, как меняется дыхание Орма. Как немного проседает левая нога. Как пальцы на цепи сжимаются сильнее, чем нужно.

«Цена.»

«У него тоже есть цена.»

Орм исчез. Нет - не исчез. Просто стал слишком быстрым для обычного взгляда. Цепь ударила сверху. Кайн не блокировал. Он упал на колено сам, до удара, пропуская клинок над головой. Левое запястье рвануло цепью к трубе, боль взорвалась в суставе, но правая рука уже двигалась.

Нож резанул снизу. Орм успел убрать корпус. Не полностью. Лезвие разорвало ткань на боку и оставило неглубокую рану. Орм приземлился в трёх шагах. Теперь он не улыбался.

- Булат, - сказал он, не отводя глаз от Кайна. - Он адаптируется слишком быстро.

- Я вижу.

- Нет, ты не видишь.

Орм медленно выпрямился. Кровь с его бока снова потянулась к цепи.

- Он не просто учится. Он перестаёт сопротивляться.

Эти слова ударили Кайна хуже цепи. Он хотел сказать «нет», но в этот момент понял: Орм прав. Страх стал тише. Паника ушла куда-то вглубь. Даже боль стала удобной. Не исчезла, не притупилась - просто стала информацией: левое запястье повреждено, плечо кровит, бок открыт, дыхание сбивается, правая рука ещё держит нож.

Всё раскладывалось по местам: Орм, дистанция, цепь, труба, слабая нога.

Кровь.

Кровь.

Кровь.

Кайн резко моргнул. На секунду запах крови стал слишком ярким. Тёплым. Живым, и вместе с ним пришло чувство, которое не должно было быть внутри человека после всего, что случилось.

Это был интерес. Нет, хуже - предвкушение.

Кайн стиснул зубы.

- Нет.

«Да.»

Голос не смеялся. Он почти сочувствовал.

«Теперь ты видишь.»

Орм атаковал снова. На этот раз без проверки. Цепь пошла низко, к ногам, заставляя Кайна выбирать: получить удар или подпрыгнуть, натянув собственную цепь на запястье.

Но Кайн не выбрал ни одно. Он шагнул вперёд. Прямо в удар. Клинок Орма вошёл в бедро сбоку. Боль пронзила ногу так резко, что мир на миг побелел. Зато дистанция исчезла. Кайн оказался рядом. Слишком рядом.

Орм не ожидал, что он добровольно примет удар. Нож Кайна упёрся ему под рёбра. Не вошёл. Остановился на коже. Потому что Кайн остановил руку. Сам. На этот раз сам.

Оба замерли. Орм смотрел ему в глаза. И Кайн впервые увидел там не азарт. Не презрение. Страх. Маленький. Быстрый. Спрятанный почти мгновенно, но настоящий.

Сердце Орма ударило чаще. Кайн услышал это не ушами - внутри. Чужой страх коснулся его, как тепло от огня, и на долю секунды стало хорошо.

Просто. Чисто. Сытно.

Кайн отшатнулся так резко, точно нож приложили к нему самому.

- Нет

Орм тоже отпрыгнул, разрывая дистанцию. Из раны на бедре Кайна потекла кровь - горячая, его собственная.

Голос внутри произнёс:

«Ещё.»

Кайн сжал нож обеими руками, насколько позволяла цепь, хотя левая почти не слушалась.

- Заткнись.

«Ещё - и он отступит.»

- Заткнись.

«Ещё - и ты выживешь.»

Орм снова поднял цепь. Теперь он смотрел иначе - серьёзно, полностью.

- Ты почувствовал, да?

Кайн молчал.

- Вот это и есть момент, когда большинство ломается, - сказал Орм. - Не когда страшно и не когда больно. Когда впервые приятно.

Булат сделал шаг вперёд.

- Орм, достаточно.

- Нет.

- Достаточно.

- Он должен услышать.

Орм не смотрел на Булата.

- Если сейчас соврёшь себе, дальше будет хуже. Ты почувствовал мой страх - и тебе понравилось.

Кайн бросился на него. Не потому что решил атаковать - эти слова просто нельзя было оставить висеть в воздухе. Собственная цепь рванула левую руку назад, но Кайн использовал рывок. Развернулся вокруг трубы, как вокруг оси, и пустил тело низко, почти падая. Нож пошёл по дуге.

Орм блокировал цепью. Искры и звон ударили по цеху. Кайн ударил снова - быстрее, не красивее и не техничнее, а страшнее. Он больше не отступал от боли. Не пытался сохранить дистанцию. Не защищался от каждого удара. Он выбирал, что можно пропустить, чтобы окатиться ближе.

Цепь Орма рассекла плечо. Кайн ударил по запястью. Клинок Орма скользнул по рёбрам. Кайн толкнул его корпусом и едва не вонзил нож в горло.

Орм отступал. Он не бежал и ещё не проигрывал полностью, но отступал.

Булат увидел это. И Кайн тоже.

Орм был быстрее, сильнее, опытнее. Но Кайн становился неудобным, неправильным. Он дрался так, точно собственное тело - расходный материал.

Каждый удар Орма, который должен был остановить человека, только открывал Кайну новый угол. Цепь на левой руке натянулась до предела. Замок скрипнул. Металл резанул кожу под запястьем.

«Разорви.»

Голос стал ближе. Смысл предложения дошёл сразу. Не замок. Кожу. Сустав. Руку. Свободу через мясо.

- Нет, - выдохнул он.

Орм ударил сбоку. Кайн попытался уйти, но цепь удержала. Клинок Орма вошёл в плечо глубже, чем раньше. Боль сбила дыхание.

Голос повторил:

«Разорви.»

Кайн увидел, как можно это сделать. Один рывок вперёд, одновременно удар ножом по звену и по коже, вывих, кровь, свобода.

Он почти сделал. Почти.

В последний момент ударил не по руке. По замку.

Нож врезался в ржавый металл. Искра, второй удар - Орм уже разворачивал цепь. Третий. Замок треснул.

Цепь сорвалась с трубы. Левая рука осталась в петле, но больше не держала его на месте. Кайн был свободен.

Цех точно стал шире.

Орм сразу это заметил.

- Вот теперь начинается, - сказал он.

Кайн поднялся. Медленно. Цепь свисала с его левого запястья, грязная и тяжёлая. Нож был в правой руке. Кровь стекала по пальцам, по рукаву, по боку, по бедру.

Он должен был шататься. Должен был упасть, но стоял и чувствовал всё: дыхание Орма, положение Булата, слабый скрип крыши, каплю воды, падающую где-то за спиной. Своё сердце. Чужой страх. Особенно его.

Орм бросился вперёд. Быстрее прежнего. Кровавые линии на его цепи вспыхнули так ярко, что металл стал похож на живую вену.

Удар пошёл в лицо. Кайн исчез в сторону. Не «Танцем тени» и не техникой - простым движением, но слишком своевременным. Цепь прошла мимо. Кайн наступил на её звено, прижал к бетону и ударил ножом по натянутой линии.

Не разрубил, но сбил ритм.

Орм дёрнул цепь назад - и на долю секунды открыл грудь. Кайн оказался вплотную. Нож пошёл вверх. Орм едва успел повернуть корпус. Лезвие распороло белую куртку и кожу под ней. Кровь брызнула на лицо Кайна.

Тёплая.

Кайн замер не от ужаса. От удовольствия.

На короткое, постыдное мгновение оно оказалось настолько ярким, что он почти забыл дышать.

«Вот оно.»

Голос звучал тихо. Почти нежно. Кайн заскрипел зубами.

- Нет

Орм ударил локтем. Кайн принял удар в челюсть и даже не отступил полностью. Просто повернул голову по инерции, вернул взгляд обратно и ударил снова. Орм впервые оттолкнул его ногой в грудь, сам разрывая дистанцию. Не потому что хотел атаковать - ему нужно было расстояние.

Кайн увидел это и улыбнулся. Не широко и не красиво - чуть-чуть, уголком губ.

Орм это увидел. Булат тоже.

Улыбка исчезла с лица Кайна почти сразу. Он сам заметил её позже, чем она появилась.

- Нет, - прошептал он.

Но Орм уже смотрел на него иначе.

- Булат.

Голос Орма стал низким. Без игры.

- Он уже срывается.

Булат не ответил. Его рука медленно вышла из кармана пальто. На костяшках был чёрный металлический кастет. Кайн перевёл взгляд на него.

«Опасность.»

Голос внутри сказал это впервые без спокойствия. Не страх - внимание, очень резкое.

Булат сделал шаг. Воздух вокруг него точно стал тяжелее. Орм заметил и раздражённо бросил:

- Не лезь.

- Ты потерял рамки.

- Он тоже.

- Поэтому я и лезу.

Но Орм уже снова атаковал. На этот раз не как проверяющий. Как тот, кто сам вошёл в азарт. Кровь по его цепи вспыхнула ярче. Она потекла быстрее, жаднее, точно оружие тоже чувствовало перемену.

Орм покупал скорость, силу, ещё одну секунду преимущества. Цена отражалась на нём сразу: кожа побледнела, дыхание стало тяжелее, губы сжались.

Кайн видел всё и вместо того, чтобы отступить, пошёл навстречу. Цепь ударила сверху. Он ушёл под неё.

Клинок Орма попытался вернуться сбоку. Кайн подставил левую цепь, намотанную на запястье. Металл врезался в металл, боль прошла до плеча, но удар сбился. Нож Кайна ударил в ответ: плечо, потом рёбра - ещё и ещё.

Орм отступил, но Кайн не дал дистанции. Теперь он давил. Не потому что был сильнее, а потому что перестал беречь себя.

Булат резко двинулся вперёд.

- Кайн!

Кайн не услышал. Или не захотел. Орм крутанул цепь, пытаясь сбить его с ног. Кайн прыгнул не назад, а внутрь дуги. Лезвие Орма прошло по спине, оставляя горячую линию боли. Нож Кайна уже шёл к горлу.

Орм не успевал.

Всё стало очень тихо. Слишком тихо.

Кайн видел открытое горло. Видел пульс под кожей. Видел страх в глазах Орма, и внутри поднялся голод. Не метафора и не мысль - настоящий, глубокий, животный.

«Добей.»

Кайн не знал, сказал это голос или он сам, и это было самым страшным.

Нож пошёл вперёд. До горла оставались сантиметры.

Потом воздух взорвался.

Булат оказался между ними. Кайн даже не увидел, как тот вошёл в дистанцию. Просто в следующую секунду чёрный кастет ударил в бетонный пол.

Не по Кайну.

Не по Орму.

По земле между ними.

Грохот был такой, точно цех треснул изнутри. По полу разбежались тёмные линии. Волна давления ударила во все стороны. Это был не ветер и не взрыв, а что-то тяжелее. Как если бы сам воздух внезапно получил вес и обрушился на плечи.

Кайна отбросило назад. Орма тоже. Оба ударились о бетон почти одновременно. Кайн попытался подняться сразу. Не смог. Тело внезапно стало чужим не из-за голоса. Из-за веса. Каждая мышца налилась свинцом. Нож в руке потяжелел так, точно это был не металл, а кусок могильной плиты. Метка на руке вспыхнула и тут же начала гаснуть, захлёбываясь под невидимым давлением.

Голос внутри впервые сорвался.

«Встань.»

Не спокойно - резко, почти зло.

Кайн дёрнулся. Давление прижало его к полу. Булат стоял между ними, тяжело дыша. Чёрный кастет на его руке тускло светился по швам. Вокруг костяшек поднимался едва заметный серый пар, как от раскалённого металла в холоде. Орм лежал на боку, кашлял и пытался подняться.

- Ты вмешался

- Да, - сказал Булат.

- Я контролировал.

Булат медленно повернул к нему голову.

- Нет.

Одного слова хватило. Орм замолчал. Кайн пытался вдохнуть. Получалось плохо. Давление не давило грудь физически, но тело отказывалось слушаться. Каждый вдох был как через воду. Каждая мысль - медленнее.

Нож лежал рядом. Он выпал из руки.

Кайн увидел это и испугался. Испугался не того, что потерял оружие, а того, что захотел потянуться к нему. Даже сейчас. Даже после того, что почти сделал.

Булат подошёл к нему. Шаг, ещё один. Тяжёлые подошвы звенели по бетону.

Кайн попытался сказать что-то. «Не надо». «Я не хотел». «Это был не я». Ни одна фраза не вышла. Все они уже были истёрты. Булат остановился рядом и посмотрел вниз. В его взгляде не было жалости, но не было и удовольствия. Только усталость человека, который слишком много раз видел, чем заканчиваются такие проверки.

- Ты слышишь меня? - спросил он.

Кайн смог только моргнуть.

- Хорошо. Значит, ещё слышишь.

Орм сел, держась за бок. Кровь стекала по белой одежде, делая её почти серой.

- Он почти убил меня, - сказал Орм.

Булат не отвёл взгляда от Кайна.

- Я видел.

- И ты всё ещё хочешь тащить его с собой?

- Теперь тем более.

Внутри что-то похолодело. Не от страха перед ними. От понимания.

Они не уйдут.

Полиция могла не понять. Дед мог не знать. Макс мог сомневаться. Лена могла надеяться, что он просто испуган. Эти двое видели достаточно. Они знали, что он такое, и хуже всего - они знали лучше него.

Булат присел на корточки рядом. Не слишком близко к ножу. Кайн заметил даже это.

- Кайн, - сказал Булат. - Послушай внимательно. Сейчас ты не в состоянии выбирать красиво. Поэтому будет просто. Ты пойдёшь с нами.

Кайн с трудом вдохнул.

- Нет

Слово получилось почти беззвучным. Булат услышал.

- Да.

- Я не

- Ты почти перерезал ему горло.

Кайн закрыл глаза. Картинка сразу вернулась. Горло. Пульс. Страх. Голод. Ему стало дурно. Булат продолжил:

- И тебе на секунду понравилось.

Кайн открыл глаза. Больше этих слов не было ничего. Потому что Булат не обвинял. Он констатировал. Как врач, который называет диагноз.

Кайн хотел отрицать. Не смог.

Орм медленно поднялся, вытирая кровь с подбородка.

- Его нельзя оставлять снаружи.

Булат посмотрел на него.

- Я знаю.

Орм усмехнулся. Уже без прежнего веселья.

- Хорошо. Хоть в чём-то согласны.

Кайн попытался повернуть голову к ножу. Давление ещё держало тело, но слабело. Метка на руке погасла почти полностью. Голос внутри отступил куда-то глубже.

Не исчезал.

Просто смотрел и ждал.

Булат поднялся.

- Орм, перевяжись. Потом вызовешь чистку.

- Уже распоряжаешься?

- Да.

- Я ранен, между прочим.

- Сам виноват.

Орм хмыкнул, но спорить не стал. Булат наклонился и поднял нож с пола. Кайн дёрнулся. Сразу. Инстинктивно. Давление прижало его обратно, но реакцию заметили оба. Орм тихо сказал:

- Видишь?

Булат держал нож осторожно. Не голой рукой - через край своего пальто, точно даже касание было лишним. Лезвие не отражало свет.

- Вижу, - ответил он.

Кайн смотрел на нож и чувствовал, как внутри поднимается паника.

«Не забирайте.»

Мысль была его, и не его. Он не хотел её, но она была. Булат посмотрел на него сверху вниз.

- Вот поэтому.

Вот почему его нельзя оставлять снаружи: не только потому, что он убил, а потому, что часть его уже боялась потерять нож сильнее, чем боялась того, что нож с ним делает.

Сознание начало темнеть. Сначала по краям, потом глубже. Звуки стали глухими. Орм что-то сказал. Булат ответил. Где-то капала вода. Ветер прошёл через разбитые окна.

Кайн ещё пытался держаться. Потому что если отключится, проснётся уже не здесь. Не свободным. Может, даже не собой, но тело больше не спрашивало.

Перед темнотой он услышал голос внутри. Очень тихий. Почти довольный.

«Теперь ты понял.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.